

СЛУЧАЙНАЯ
ЖЕНА ГЕНЕРАЛА
ДРАКОНОВ

НАТАЛЬЯ БУДАНОВА

Наталья Буланова

**Случайная жена
генерала драконов**

«Автор»

2026

Буланова Н.

Случайная жена генерала драконов / Н. Буланова — «Автор»,
2026

Проснулась в чужом мире с младенцем на руках и грозным генералом драконов на хвосте. По записке малышка — дитя опасного Тимрата Танра. Теперь он уверен, что я — мать его ребенка и воровка, которая обманула его больше года назад. Придется доказывать невиновность, став служанкой в его доме. А самое страшное что? Я уже не могу просто так уйти — малышка трогает мое сердце. Даже если она не моя, я добьюсь для нее справедливости, а потом сделаю ноги.

© Буланова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	37
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Глава 21	49
Глава 22	51
Глава 23	53
Глава 24	55
Глава 25	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Буланова

Случайная жена генерала драконов

Глава 1

Лидия

– Нагуляла где-то! Точно тебе говорю.

Зычный голос вырывает меня из забытья.

– Решила нашего генерала облапошить. Ух, вылила бы на нее этот таз, если бы не младенчик!

В мое лицо летят брызги, и я распахиваю глаза.

Нахожу себя сидящей на крыльце. В спину больно упирается резьба толстенной деревянной колонны.

Мимо проходят две женщины в странных блеклых одеждах и косятся на меня. Одна из них, с большой бородавкой на носу, презрительно сбрызгивает с рук капли воды.

Могу поклясться, за секунду до этого она сбрызнула ими и меня!

– Шла бы отсюда сама, пока взащей не прогнали! – фыркает на меня вторая с тазом.

Обе уходят, покачивая внушительными бедрами в длинных юбках, бурча себе под нос проклятия в мой адрес.

И тут откуда-то снизу раздается детский плач.

– Уа-а-а, уа-а-а, уа-а-а.

Я опускаю взгляд и вижу плетеную корзинку с ребенком месяцев шести от роду. Пухлые щечки, крохотный носик, светлые волосики и голубые глаза. Судя по кружевному чепчику и розовым завязкам на нем, это премилая девочка с о-о-очень громким голосом.

У меня внутри все замирает и ноет, как бывает с девятнадцати лет. С тех самых пор, как мне сказали, что после аборта я больше никогда не смогу иметь детей.

– Тшш, – машинально качаю я корзинку, а сама пытаюсь понять, что происходит.

Оглядываюсь, а девочка затихает, пока я ее качаю. Поднимает ручку к лицу и мило прищмокивает губами большой палец.

Я часто волонтерю в доме малютки и насмотрелась на разных деток, но такие невероятные глаза вижу первый раз. Она мне словно в душу смотрит.

Где же ее мама? И где это я?

Я оглядываюсь.

Место напоминает музей-заповедник, только без ветоши времен. Однако такого архитектурного стиля у нас в стране не припомню. Здесь и перекрещивающиеся арки, и ребристые своды, и витражи. И даже фигуры драконов оплетают колонны.

Ну, прямо в фильм о волшебстве попала.

Кстати, именно коготь одного из них больно впивался мне в спину, когда я очнулась.

Стойте-ка. Что это на мне?

Выгоревшее светло-голубое платье в пол не тянет даже на тряпки. Даже не припомню, когда я последний раз надевала что-то без штанин. Кажется, это был школьный выпускной.

Провожу рукой по ткани и ощущаю, что она грубая, словно холст, но удивительно легкая. И очень длинная – я чуть не спотыкаюсь, пытаюсь встать.

Как в этом ходят?

Поднявшись, я наконец могу осмотреться более тщательно. Огромный двор, вымощенный неровным камнем, окружен зданиями, больше похожими на маленькие крепости, чем на жилые дома.

Вдалеке виднеются башни, увенчанные флюгерами с фэнтезийными существами – химерами, крылатыми змеями и многохвостыми лисами.

В воздухе витает пряный запах трав и дыма из печей. Издалека доносится гул голосов, словно на рынке.

Голова раскалывается. Последнее, что я помню, – это квест «Драконьи тайны», на который затащила меня Дашка – медсестра, что работает со мной в смене. Мы ходили по комнатам, разгадывали загадки, а потом я увидела себя в зеркале.

Точно! С этой самой корзинкой и увидела.

Все. Больше ничего не помню.

И вот я здесь, в этом странном месте, с ребенком у ног.

– Уа-а-ау, уа-а-ау, – снова плачет малышка.

Видимо, пока я осматривалась, укачивающий эффект исчез. Я наклоняюсь над корзинкой, поднимаю за ручку и качаю снова.

– Ну-ну, тише, тише, маленькая, – бормочу я, качая корзинку плавнее. – Где же твоя мама?

Девочка перестает плакать. Смотрит на меня своими ангельскими глазами, вдруг агукает и улыбается. Какая милашка!

– Малышка, какая же ты красавица, – шепчу я и дотрагиваюсь до крохотных пальчиков.

Сердце сжимается от чувства щемящей нежности. А за ним, как всегда, приходит тупая боль. Боль, которую я пережила, с которой научилась жить и из-за которой выбрала направление в профессии. Я – врач акушер-гинеколог.

Если я уберегу от ошибки, которую совершила, хотя бы одну девушку, не зря свой век проживу.

И тут я замечаю сложенный квадрат желтоватой бумаги, вложенный между лоскутным одеяльцем и корзинкой. Тяну его за угол и раскрываю лист.

«Ее зовут Мари. Она дочка генерала драконов Тимрата Танра».

И тут, словно издеваясь над моей фантазией, в небе пролетает дракон.

Глава 2

Летающие ящеры, их генералы, малышка по имени Мари.

Учитывая, где я оказалась и во что одета, ощущаю себя так, словно брежу при температуре сорок.

С минуту наблюдаю за полетом дракона, поражаясь детальной точности зверюги, и тихо анализирую.

Это проекция? Новые технологии? Я в коме?

Мой мозг отказывается складывать все в логичную картину. Голова начинает раскалываться, стоит попытаться сложить два и два. А я привыкла опираться на логику и данные, но сейчас выходит плохо.

Мари – невинное дитя, вокруг которого, судя по всему, разворачивается какая-то совершенно безумная история. И каким-то образом в ней замешана я.

Одно радует – у ребенка есть отец. И, судя по словам тех двух женщин, я сижу прямо на пороге его дома. Иначе бы не подумали сразу на него, верно?

Эта корзинка и записка буквально кричат о том, что ребенка папаше собираются подбросить. Причем с моей помощью.

Во всем этом безумии мой созревший план прост: ребенка надо отдать родителю, а уж потом буду разбираться, как я тут оказалась.

И кто же мне в этом поможет?

Мимо меня снуют люди в странных одеждах. Все как один настроены крайне недружелюбно, я это кожей чувствую.

Я словно оказалась в школе, когда одноклассница распустила обо мне слух, будто я переспала с пятью старшеклассниками, и все на меня пялятся заведомо предвзято. Благо я тогда даже не целовалась, и многие не поверили, но осадочек у меня на всю жизнь остался. И это ощущение, что ты белая ворона, не забуду никогда.

Сейчас, с опытом своих тридцати лет, ситуация кажется смешной и абсурдной, но тогда для меня наступил конец света.

Зато благодаря такой закалке эти взгляды меня не особо трогают.

Где тут у нас генерал? Дома?

– Агу! – машет ручкой в корзинке Мари.

Мне очень хочется взять ее на руки, но я останавливаю себя. Знаю, сто раз проходила. Я очень быстро привязываюсь к ребенку, а потом буду реветь всю ночь, что не могу даже ее удочерить – у меня съемная квартира и зарплата в обрез. А здесь еще драконы летают – совсем неблагоприятная обстановочка и неясные перспективы.

– Я не могу оставить тебя на пороге. Вдруг тут бродячие собаки есть или твой папочка не дома? – Со вздохом поднимаю корзинку за ручку и спрашиваю у проходящего мимо паренька: – Здравствуйте! А где я могу найти генерала?..

Его имя я уже забыла. Тамрат? Тимур? Нет, какое-то другое.

Надо еще раз прочитать... Ага! Тимрат!

Парень вздрагивает от моего вопроса, выпучивает глаза и, заикаясь, говорит:

– Т-т-так на стрельбище.

Еще бы знать, где оно находится!

Какой-то дурдом на выезде. Единственное, что останавливает меня, чтобы не психануть, – малышка в корзинке. Бросить ребенка на произвол судьбы я не могу.

Только хочу уточнить у паренька направление, как он буквально убегает от меня, роняя на ходу какие-то оранжевые ягоды из-за пазухи.

Что за странные люди?

– Простите! – обращаюсь я к старику, который идет и смотрит на меня в упор из-под густых бровей. – Вы не подскажете, где стрельбище?

Старик сплевывает мне прямо под ноги и уходит.

– Да уж, легко не будет найти твоего папу, Мари! – тяжело вздыхаю я.

– Агу.

Я вешаю корзинку на сгиб локтя и иду по выложенной грубым камнем дороге мимо небольших построек рядом с главным домом.

Все чисто, зелено, но как-то бездушно. Ни одного цветка, ни одного цветущего куста. Все по линейке.

Над головой пролетает еще один дракон, только на этот раз так низко, что я вижу его огромные черные когти и желтые глаза.

Сжимаюсь вся, замирая, и слышу:

– Что это с ней?

– Больная, наверное, – шепчутся вокруг меня люди.

И немного расправляю плечи. После расставания с Никитой я стараюсь не давать себя в обиду никому. Пусть даже дракону или их генералу. Пусть даже бреду или... другому миру.

Эта мысль пронзает копьем, и я получше присматриваюсь ко всему вокруг. В домике справа от главного здания пытит паром и дымом кухня – оттуда пахнет жареным мясом. Слева стучат железом, словно выковывают мечи в кузне. Запах металла и звук стреляющих в пламени поленьев приносит ветер. А в конце улицы развевается только что постиранная одежда и постельное белье.

Если я брежу, то почему так детально, со вкусами и запахами?

Глава 3

Я с любопытством шагаю по неровному камню дальше и слышу восхваляющие мужские голоса:

- Ба, генерал!
- Вот это класс!
- Вот бы я был таким метким!

Хватаю корзинку покрепче и иду к забору из кольев. Смотрю сквозь деревяшки, и тут мимо проносится серебристый поезд. Я аж назад отскакиваю!

Нет, не поезд. Это змея, на которой лихо восседает наездник. Как он держится на скользком создании без седла, одними ногами, только ему известно.

Змея изгибается кольцом прямо на скорости, а мужчина на ней выпускает искру, которая со свистом рассекает воздух.

– Точно в душу! – кричат на другом конце стрельбища.

Я смотрю туда и вижу соломенного человека, из груди которого идет голубой дым. До него метров сто пятьдесят, не меньше.

Ого! Действительно впечатляет.

Серебристый змей останавливается на той стороне стрельбища, и с него спрыгивает наездник. Без бахвальства, без гордо поднятого подбородка, он кидает что-то солдату, тот кивает и свистит.

Похоже, это и есть генерал, которого я ищу.

Из земли вдруг вырывается красная змея поменьше. Солдат запрыгивает на нее буквально на ходу, а первый наездник делает серебристой змее знак, и та уходит под землю.

– Ух ты! – вырывается у меня.

Я не знаю ни одной технологии, способной на такое. Не знаю ни одного похожего холоднокровного. Это, кажется, и правда другой мир.

Пугающий магический мир, правил которого я не знаю.

И тут мужчина резко поворачивается в мою сторону. Клянусь, несмотря на расстояние, он точно смотрит на меня!

Я буквально давлю в себе первый порыв податься назад и спрятаться. Ведь, судя по всему, этот мужчина в доспехах, обтянутых черной кожей, генерал, который мне нужен.

Он идет ко мне. Идет, ешкин матрешкин!

Твердой, уверенной походкой, от которой по спине пробегают мурашки, заставляя гордо выпрямиться.

Широкоплечий брюнет прожигает меня взглядом издали так, что я заранее начинаю нервничать. Длинные ноги широкими шагами быстро прокладывают путь в мою сторону.

Ни одного лишнего движения, никакого позерства. Просто огромный воин, который идет к своей цели.

«Идет убивать», – проносится в голове.

Ну нет! Зачем ему? Бред же. Так?

У меня не получается успокоиться. Сердце стучит так, как перед тем, когда я сказала своим родителям о своей беременности в девятнадцать. Прекрасно помню этот момент, когда всю аж потряхивало, но я знала, что надо – тянуть некуда. И тут надо.

Тогда все закончилось плохо – меня выгнали из дома в объятия Никиты. Надеюсь, воссоединение отца и дочки пройдет хорошо, а курьеров, тьфу, то есть вестников, тут не убивают.

Когда до нашей встречи остается метров пять и забор, генерал начинает то ли разминать шею и плечи, то ли распалаться перед ударом. Ощущение «надо убираться подальше» охватывает меня так сильно, что я отступаю на несколько шагов назад.

И тут он останавливается и смотрит на меня через забор.

Я такой взгляд видела только один раз в жизни – у пантеры в зоопарке. Она смотрела на меня с ветки дерева абсолютно так же. Взгляд так и передавал понимание: если бы не стекло, я бы стопроцентно стала ее добычей.

А здесь даже защитного стекла нет.

Глава 4

Тимрат

Я как раз показывал обманный маневр и удар арсом, когда почувствовал давно потерянный запах – смесь сладких ягод и горькой полыни.

Сначала подумал, что снова обознался, как тысячу раз до этого. Доделал прием, приказал Рату уйти под землю и тут увидел ее.

Меня словно тысячей арсов прошибло.

Последний раз так проняло до озноба, когда узнал, что отец умер. Умер из-за ее предательства.

И вот она стоит и бесстыже смотрит на меня.

Сколько я ее искал? Год и три месяца, кажется. И ни одной зацепки, она словно в небесах растворилась.

Иду к ней и с каждым шагом завожусь все сильнее. Кровь в венах стучит пульсом оборота, и я смахиваю обращение в последний момент шагах в пяти от нее.

Рано ей умирать. Я должен узнать, кто за ней стоит. Она не могла одна все это провернуть.

Тот же взгляд, полный вызова, хотя сама дрожит, как загнанный зверь. Те же губы, слегка приоткрытые от возмущения. Тот же... стоп. Ребенок?

Что тут делает младенец?

– Я ищу генерала Тимрата Танра. – Она смотрит на меня как на незнакомца.

Бархатный голос, которым она меня соблазняла тогда, звенит в ушах, доводя до белой ярости.

Актриса гномьих подмостков продолжает играть дальше и делает вид, что мы незнакомы. Что ж, посмотрю, что ей надо. Ей все равно не сбежать отсюда.

– Вот. – Она протягивает к забору корзинку с малышкой. – Дочь генерала – Мари. Не могли бы вы ему передать ребенка?

Чувствую, как моя челюсть едет вниз, а глаза вылезают из орбит. Уши хочется прочистить у лекаря. Насквозь – от левого до правого.

Мой ребенок? Она, видимо, не знает, что драконы так легко потомство не оставляют. Тем более опоенные драконы.

А она еще и недовольна моей реакцией, я это вижу по прищуренным глазам и поджатым губам.

Вот же химера!

– Что ж, я свое дело сделала – ребенка передала в целостности и сохранности. До свидания! То есть прощайте. – Она протягивает корзинку с младенцем над заборными кольями.

Я хватаю ее за запястье руки, что держит корзинку.

– Признала-таки.

Ее глаза широко распахиваются, и в них плещется смесь паники и страха.

– Что? – переспрашивает она, глядя то мне в лицо, то на руку, которой ее держу.

Пытается вырваться, но корзинку не отпускает. Хотя я бы не удивился, разожми она руку, такая химера на все пойдет, лишь бы сбежать. Поэтому для подстраховки держу вторую наготове, чтобы поймать дитя.

Оно-то ни в чем не виновато. И где она его только нашла? И что ей еще от меня нужно? Должна понимать, что на верную смерть пришла.

– И все? – Я смотрю на ее поношенное платье.

Из-под подола выглядывают носки грязных, местами поползших тканевых туфель.

А тогда на приеме в Цветочном дворце она была в шелках и жемчугах, лоснилась от денег. Поменяла имидж?

Она следит за моим взглядом и поправляет платье свободной рукой так, чтобы закрыть обувь.

– Все, – испуганно-смелым тоном говорит она.

– Денег не надо?

Конечно, ей нужно другое, но она точно пришла давить на жалость. Совсем меня за идиота держит?

Она сглатывает и отрицательно мотает головой.

Что ж, ладно, подыграю.

– Вот так оставишь свою дочь? – Я опускаю взгляд на ребенка, потом смотрю на нее.

Даже не похожи!

Глава 5

Лидия

Волевой подбородок так и кричит о сложном характере владельца. Прямой нос и тонкие губы придают своему хозяину строгости.

А глаза... Темные, пронзительные, смотрят мне прямо в душу и требуют ответа.

– Вот так оставишь свою дочь? – звучит в ушах.

Он так громко разговаривает! Но при этом у него очень красивый голос с хриплыми нотками. Слушала бы и слушала на пониженной громкости, но, как говорится, ситуация не располагает. Да и его тон со взглядом тоже.

Я вообще не понимаю, что тут происходит, но знаю одно: надо убираться отсюда подальше.

Поэтому поднимаю голову, смотрю в глаза прекрасному брюнету и сожалею, что мы с ним встретились в подобных бредовых обстоятельствах. Я еще не разобралась, квест это, или мой бред, или попадание в другой мир, но интуиция говорит делать ноги. А я привыкла ее слушать.

– Вы что-то путаете, – натянуто улыбаюсь и снова пытаюсь освободить руку из его хватки. – Я не имею к ребенку никакого отношения.

Как бы не так! Не отпускает.

– А ко мне? – Его пальцы впиваются мне в запястье, заставляя встретиться с ним взглядом. – Ты украла у меня сто золотых. И получается, еще и ребенка.

Что?!

И золото, и ребенка? А еще что?

Фух, ну и попала я в переплет. Ситуация принимает серьезный оборот. Меня почему-то считают воровкой, да еще и золотых.

Хе-хе, где же родные рубрики? Спасите-помогите!

Нет-нет, надо прояснить ситуацию. Особенно про «украли ребенка».

– Вы ошибаетесь! Я не мама Мари. И вас вижу первый раз.

– Ошибаюсь? – Он отпускает мою руку, но только для того, чтобы ударом ноги снести к чертям собачьим часть забора.

Я закрываю своим телом корзинку. Деревяшки разлетаются в щепки, и одна попадает мне в лицо. Я провожу рукой по щеке и ощущаю кровь.

Ну вот!

Генерал оказывается рядом со мной. Теперь никакой забор не отделяет нас друг от друга, и это щекочет мои расшатанные нервишки.

Больной! Может, и не стоит с ним оставлять Мари, а лучше поискать ее маму?

– Напомню – ты сама запрыгнула ко мне в кровать. – Его пальцы ловят мой подбородок, он поворачивает мое лицо к себе.

Слова повисают в воздухе, словно удар хлыста. Взгляд генерала застывает на щеке, в месте, где порез.

Застываю, чувствуя, как по спине пробегает ледяная волна. Это он и есть тот самый генерал, отец ребенка, как я и предполагала. И он почему-то решил, что я однажды с ним загла и родила эту маленькую звездочку в чепчике.

Перекрутился на змее, что ли?

– Я вас впервые вижу! Как и ее. – Я резко поворачиваю голову, и его пальцы соскальзывают с моего подбородка.

– Врешь! – Его аура словно накрывает меня целиком, а запах кожи, металла и чего-то древесного ударяет в нос. – Ты выглядишь так же. Ты пахнешь так же.

– Это невозможно! Да и кто запоминает по запаху?

Тоже мне, аргумент нашел.

– Я. – Он проводит пальцем по моей шее, и кожа под его прикосновением вспыхивает еще до того, как я отшатываюсь. – Я дракон. Я все помню.

Дракон? Хе-хе. До сих пор никак не привыкну. Но когда тебя окружает сказка, то волей-неволей начинаешь магически мыслить.

Хорошо, пусть будет кем захочет. Но я знаю одно: я тут впервые, с ним не спала и никого не рожала.

И тут, словно по заказу, в небе пролетает дракон! Ну вот опя-я-ять.

Мне требуется несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

Решаю: подумаю позже об этом безумном мире, а пока выберусь из щекотливой ситуации. У меня и доказательства есть, между прочим.

Глава 6

Я отступаю на два шага назад.

Буду взывать к логике и фактам, должно сработать.

– Не знаю, о чем вы. Я очнулась на пороге вашего дома с корзинкой в руках. Тут и записка есть. – Я беру из корзинки листок бумаги и протягиваю мужчине.

Он берет, бегло читает и строго смотрит на меня. Судя по взгляду, в его голове сейчас точно происходит диалог с самим собой. Взглядом так и ощупывает меня, иногда линчует, иногда воскрешает.

– Была аристократкой. Обеднела? – вдруг спрашивает он.

Да он ни на мгновение мне не поверил. Все талдычит одно и то же.

Я молча качаю головой, а он продолжает:

– И нашла же такие обноски, чтобы прийти сюда. А вот совесть потеряла.

Нет, это надо останавливать.

– Слушайте, я не знаю, о какой краже и ночи вы говорите. Мне нужно идти. – Я ставлю корзинку у его ног, разворачиваюсь, отхожу на несколько шагов, и тут малышка начинает плакать.

Он ее уже обижает?

– У тебя молоко есть? – Неожиданный и такой бытовой вопрос генерала заставляет меня притормозить.

Да он умеет нормально разговаривать! Надо же.

Я останавливаюсь и осторожно поворачиваюсь, растерянно смотрю на малышку в корзинке. Вопрос с едой для нее жизненно важен, поэтому я так просто не могу уйти. Мужчины в этом вопросе так себе разбираются. Некоторые даже подойти к ребенку боятся и дотронуться не могут. Вдруг этот из таких?

Еще замесит ей смесь из песка и палок.

Малышка вон как плачет, а он ее ни на руки не берет, ни покачать не пытается.

– Не знаю. Может, там в корзинке бутылочку припрятали. – Я подхожу ближе, приподнимаю одеялко и осматриваю место рядом с ребенком.

Стоит Мари меня увидеть, как она тут же замолкает и улыбается.

Пухлые ножки торчат из-под рубашечки. Я в подобной дочку коллеги, которая меня на квест позвала, крестила – белая и кружевная. Крошечные пальчики такие кукольные, что хочется потискать.

Бутылочки нигде нет.

– Хоть ребенка нормально одела, – слышу я совсем рядом с ухом и вздрагиваю.

Тимрат наклоняется так близко и так тихо, словно обладает повадками леопарда. Тот славится своим умением подобраться к жертве так, чтобы она поняла, что обречена, в последний момент.

Я буквально отпрыгиваю в сторону.

Зачем он принюхивается ко мне? Что у него за дурацкие привычки? Или это у всех драконов так? Чем-то собак напоминают.

– Бутылочки нет, – констатирую факт, чтобы прогнать неловкость, которая меня сковала.

– У тебя свое молоко кончилось? Кормилица нужна? Поэтому пришла? – Брюнет смотрит на мою грудь так, что я закрываю ее крест-накрест руками.

Кормилица, драконы... Мамочки, куда я попала?

– Я – не мама ребенка. Понятно? Я тут вообще совершенно случайно оказалась, – продолжаю настаивать на своем.

Говорить о квесте не буду. Все вокруг крайне правдоподобно и масштабно, и я сомневаюсь, что ради развлечений кто-то вбухает столько денег, чтобы воссоздать все с такой точностью.

Свою легенду я не успела придумать, так что лучше не сочинять на ходу.

Судя по мимолетной ухмылке, брюнет не верит мне ни на секунду.

– Ну-ну, случайная моя.

«Моя»?

Глава 7

Мало того, что в краже обвиняет и телесных поползновениях, так еще и приватизирует! Мне что, опять повторять, что он меня с кем-то путает?

Так-так-так, надо возвращаться к фактам и логике.

– Отцовство признаете – уже хорошо, – киваю я, отходя на два шага в сторону.

Значит, за малышку могу быть частично спокойна – она в руках одного из родителей, и он это осознает.

– Признаю? Ты меня опоила. А во сне я детей делать не умею, так что ты тут ошиблась, крошка. – Тимрат плавным широким шагом приближается ко мне.

А это что за новости? Он собирается от ребенка отказаться?

Меня, незнакомку, он, значит, узнает, а от дочки отмахивается? Ну точно кульбиты на змее перезакладывал.

Может, забрать Мари и уйти? Но в этом мире с летающими драконами я сама не знаю, как жить. Глупо брать на себя ответственность за беззащитное дитя, когда у нее есть генеральский папа.

Но папа ли?

Что же делать?

– Понимаю, вам тяжело свыкнуться с мыслями о внезапном отцовстве.

Он парирует:

– Так ты сама отказываешься от материнства.

Хочется хлопнуть себя по лбу.

– Да не я это была! Ну же, присмотритесь. Или что вы там делаете обычно? Принюхиваетесь? – Я взглядом взываю к его критическому мышлению.

Но где критическое мышление, а где дракон, да?

– Твои портреты три месяца по всем ближайшим провинциям были развешаны. Уж поверь, я тебя ни с кем не спутаю. – Взгляд Тимрата проходится по мне со смесью презрения и восхищения.

Так спутал же! Вот прямо сейчас этим и занимается.

Но погодите-ка. Есть у меня одно предположение, которое все бы объясняло. Фантастическое, конечно, но очень подходит к этому крылатому миру.

Вдруг я, как в фильмах, умерла и переселилась в другое тело в другом мире? Версия бредовая, но так тут все слегка ненормальное.

Я поднимаю вверх рукав платья, рассматриваю свою левую руку. Шрам от тарзанки на месте, знакомые пальцы с бледно-розовым маникюром. Я его три дня назад сделала.

Поднимаю подол платья, вижу некрасивый белый бугорок на коленке. След от гвоздя тоже имеется – это я неудачно упала в траву в шесть лет.

Нет, это тело мое, и ни в какую генеральскую кровать оно не прыгало – уж я-то точно знаю. И ребенок не мой! Уж я бы не забыла.

Сам по-генеральски напился, а теперь путает. Обычная история пьяных провалов в памяти и нежелания брать ответственность.

– Генерал, мне пора. – Я быстро высматриваю направление, в котором могу лучше всего пропасть из его поля зрения.

– Ребенка мне оставляешь?

– Так он ваш. Куда же я его еще дену?

– Без кормилицы погибнет.

Я закусываю губу.

– Ну так найдите ему кормилицу или смесь какую.

Тут же есть смеси для кормления? Или нет? Ребенок в полгода уже может овощные пюрешки есть, но молоко ему все равно жизненно необходимо.

– Останься, пока кормилицу не найдем, – вдруг вполне адекватно говорит Тимрат, а вот взгляд такой цепкий, словно он меня им как лассо захватил.

Это же не мое дело, верно? Но...

Как я могу оставить вот так малышку, не убедившись, что ей нашли кормилицу? Это же мужик, да еще и дракон! Может, он вообще мало что в детях понимает.

Я тяжело вздыхаю:

– Только ненадолго.

Тимрат медленно-медленно кивает, неотрывно глядя мне в глаза.

Почему у меня ощущение, что я попала в ловушку и она только что захлопнулась?

Глава 8

Тимрат поднимает корзинку с Мари одной рукой, словно она весит не больше перышка, а другой хватает меня за запястье. Его пальцы обжигают кожу, такой он непривычно горячий.

Странно, но раньше, когда он меня держал, я не ощущала такого жара.

– Отпустите! – Пытаюсь вырваться, но его хватка только крепчает.

– Ты сбежишь, – говорит он просто, как будто констатирует факт. – А я не позволю.

– Куда вы меня тащите?!

– Домой.

Я спотыкаюсь о длинный подол платья, но Тимрат даже не замедляет шага. Темный плащ за его спиной развевается так, словно в любой момент может превратиться в крылья.

Я сразу вспоминаю его верхом на серебристом змее.

И что, он командует теми самыми драконами в небе и на земле? Что-то вроде дрессировщика?

Главный дом встречает нас массивными деревянными дверьми с резными драконьими головами вместо ручек. Они неожиданно разевают пасть, оживая, и остаться здесь уже не кажется мне такой уж хорошей идеей.

– Я не... – Я притормаживаю.

– Тихо, – бросает он через плечо громогласно. – Или разбудишь ребенка.

А сам не орет, нет? Не осознает, как громко общается?

И что, Мари уже заснула? Я удивленно смотрю в корзинку и вижу, что это так.

Малышка, к счастью, спокойно спит, посасывая кулачок, и не обращает внимания на наши громкие разборки. Но я-то не сплю и отлично понимаю, что ситуация выходит из-под контроля.

Что-то я погорячилась, когда согласилась остаться.

Тимрат не дал мне подумать, как быть, все решает сам. И это создает ощущение, что я полностью теряю контроль над своей жизнью.

Двери с теми самыми драконьими мордами распахиваются перед нами сами, будто чувствуют приближение хозяина. А вот на меня они натурально огрызаются, когда я прохожу мимо.

Только волшебного дома тут и не хватало для полного счастья! Еще чуть-чуть – и я начну тихо посмеиваться. У меня всегда такая реакция на сильные стрессовые ситуации.

Помню, когда Никита сначала привел меня на аборт, уговаривал: «Ты нам всю жизнь испортишь, если родишь. Нам нужно сначала встать на ноги», а потом узнал, что операция прошла с последствиями и заявил: «Родители сказали, что ты теперь не женщина больше. Давай расстанемся», я смеялась. Так громко, что он спросил, не сошла ли я с ума.

А я сошла. Сошла с ума от боли предательства. От ощущения самой большой ошибки в своей жизни. От чувства, что была слепой и глухой, раз была с таким человеком.

И сейчас я уже готова начать тихо посмеиваться. Особенно когда мы входим в зал с высокими сводами, украшенными фресками сражений драконов и чудовищ, фигуры на которых двигаются.

Тимрат смеряет меня взглядом, но ничего не говорит. Я же продолжаю осматриваться.

На стенах висят причудливые штуковины. По острым краям, по протертым ручкам и по странностям креплениям интуитивно понимаю, что это оружие. В некоторых светятся вставки из камней явно магического происхождения.

Кажется, я уже начинаю смиряться с волшебством.

Я не вижу здесь показательной выставки оружия. Все расположено так, чтобы взять на ходу, и это меня немного пугает. Что, если какая-то из этих штук будет применена против меня?

Когда мы заворачиваем в коридор, толстые ковры под ногами приглушают наши шаги. Кажется, я теперь в жилой зоне личных комнат.

Тимрат останавливается у одной из них и толкает дверь, обитую странной сетью металла и камней.

– Ты будешь жить здесь. – Он наконец отпускает мою руку, но угроза из взгляда не уходит.

Я заглядываю с порога внутрь. Вижу край одноместной кровати, резной шкаф, стул с фигурными набалдашниками, металлический таз на столе и керамический кувшин.

У меня создается ощущение, что если я зайду внутрь, то за мной закроется тысяча замков. Навсегда.

– Зачем же мне комнату отводить? Я же ненадолго.

Тимрат резко поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает что-то опасное. Он наклоняется ближе, и его дыхание обжигает щеку.

– Ты. Очень. Наглая, – говорит с такой угрозой, что я сжимаю плечи.

Замираю. Сердце колотится так громко, что он его, должно быть, слышит.

Умеет он подавлять, скажу я вам. Спорить не очень хочется. Ощущение, что чуть не по его – голову открутит. Или завалит на плечо, отнесет в свои покои и та-а-ам...

Стоп! О чем это я? Занесло немного.

– Позаботься о ребенке. Я пока разберусь, кто ты на самом деле.

– Я в плену?

Взгляд Тимрата однозначно говорит да, а вслух он произносит с кривой ухмылкой:

– Нет, конечно.

И в этот момент Мари просыпается и начинает плакать.

Тимрат морщится, будто звук причиняет ему физическую боль. Внутри меня звенят тревожные звоночки. Судя по всему, генерал никогда не имел дел с детьми и его раздражает даже их плач.

Мари, как же ты здесь будешь? Я еще ни одного доброго человека не встретила.

– Ну вот. – Я показываю на малышку. – Нам срочно нужна кормилица.

Быстрее найдут кормилицу – быстрее получу свободу. Быстрее получу свободу – быстрее разберусь в мире и найду путь обратно.

– Вот и займись делом. Деньги у Эрни, я его предупрежу, – бросает он и, развернувшись, уходит, оставив меня одну с его дочкой на руках.

Я смотрю на Мари, потом на захлопнувшуюся за Тимратом дверь. Вот я влипла!

Что делать?

Бежать? Сейчас же, пока он не вернулся. Но...

Мари всхлипывает, и ее крошечные пальцы вдруг сжимают мой палец, так крепко, будто малышка знает, что я собираюсь ее бросить.

Нет, я так не могу.

Ну и кто такой этот Эрни?

Глава 9

Тимрат

Я выхожу и застываю на несколько секунд за закрытой дверью, а у самого внутри все бурлит.

Ее запах, ее взгляд, ее поведение – все сводит меня с ума.

Я столько раз думал о том, что сделаю с ней, когда поймаю. Как отомщу за отца. Но я оказался не готов к тому, что внутри у меня начнется извержение эмоций.

Не знаю, что меня больше сбивает со змея – ее наглость, младенец, которого она откуда-то взяла, или то, как она нагло показала мне коленку.

Абсолютно беспринципная дева! Не зря ее завербовали для кражи чешуи Рата, вот только она промахнулась и забрала чешую отцовского змея.

Эта первая сброшенная чешуя связывает дракона и его фамильяра навсегда. Мало кто знал, что моя всегда спрятана в ремень, а вот отец вечно носил ее в поясном кожаном мешке.

Отец сказал мне, что его украли, только с последним вздохом. Никогда не забуду красное от крови поле боя, торжество воинов, которые еще не поняли, что бывший генерал бился без змея и был смертельно ранен.

Старый упрямец никому не сказал об этом, даже мне! Я бы не допустил его к бою, и он это знал.

«Воин должен умирать в бою», – всегда говорил он.

Я оборачиваюсь и смотрю на дверь, способную за счет тьмы артефактов доставить жителю комнаты жесточайшие муки. Самое простое, что может эта комната, – никогда не выпустить нахалку.

Но я дотрагиваюсь до одного из артефактов и запускаю короткий арс – импульс моей энергии, который деактивирует всю магию.

Мне не нужно сейчас закрывать ее. Наоборот, я хочу посмотреть, что ей нужно и куда она направится, получив «свободу».

***

Лидия

Я буду нести ответственность за эту малышку, пока не удостоверюсь, что она здесь в полном порядке.

Когда я принимаю решение, больше не медлю ни секунды – ставлю корзинку на кровать и беру Мари на руки.

Младенцам жизненно важно мамино тепло. И пусть я вынужденная временная мама, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы Мари было хорошо.

Я осторожно беру малышку под ручки, медленно приподнимая. Она прекрасно держит голову, поэтому можно смело быть шустрее, но я почему-то наслаждаюсь этим моментом нашего прикосновения.

Тем, как Мари тут же перестает плакать, а ее голубые глаза с безграничным доверием смотрят на меня. Как ее пухленькие ручки поднимаются ко мне и она словно обнимает меня, когда я прижимаю ее к себе.

Она неповторимо пахнет уютом. Хочется лечь, прижать ее к боку и закрыть глаза. Но я помню, что кто-то скоро снова захочет есть, а мне еще предстоит найти кормилицу или смесь.

– Гу-гу. – Мари улыбается мне.

– Не переживай, зайка. Я тебя в обиду не дам. – Я провожу рукой по головке и чувствую мягкие волосики малышки.

У младенцев они особые, нежные, шелковые, тоненькие.

***

Тимрат

Дверь закрывается за ней с глухим щелчком. Я стою в темном коридоре, прижав ладонь к холодному камню подоконника, и чувствую, как внутри меня бушует огонь.

Она держит ребенка так, словно он ее.

Это бесит. Нет, это сносит мне гребень.

Я сжимаю кулаки, и когти прорезают кожу ладоней. Капля крови падает на пол, но я даже не чувствую боли.

Она лжет, что это мой ребенок. Она должна лгать.

Но тогда почему...

Почему, когда она смотрела на Мари, в ее глазах было то? Та самая тень, которую я видел у матерей, потерявших детей. Та самая боль, которую нельзя подделать. Будто она правда собиралась отдать мне ребенка, но не хотела.

Я резко отталкиваюсь от стены.

Нет. Она просто хорошая актриса.

Тот, кто послал ее, знал, на что рассчитывал. Знал, что драконы чувствуют запах откровенной лжи. Знал, что я не поверю в случайность.

Ее просто хорошо подготовили для того, чтобы она попыталась снова украсть чешую Рата.

Она озирается, но не видит меня, потому что я покрыл себе пологом невидимости. Секунду она медлит, а потом идет налево по коридору, прижимая малышку к груди.

Девочка уверенно держит голову, машет руками. Сколько ей? Если прикинуть нашу последнюю встречу и время беременности, выходит где-то полгода.

Я не разбираюсь в детях. Надо спросить у кухарки, похоже ли, что девочке полгода. У Равилии шесть детей, она точно знает ответ.

Рат!

Зову его без слов. Через мгновение чувствую ответный импульс в ладонь. Он готов, если что.

«Нашел что-нибудь?»

«Нет, она словно с неба спустилась. Никто не видел, как она заходила на территорию поместья».

Еще одна загадка! Что за магию она использует? В Цветочном дворце она тоже появилась совершенно неожиданно как дочь одного из высокопоставленных послов Трагании. Как я потом выяснил, это была наглая ложь. Кто-то хочет стравить наши страны и очень упорно идет к цели.

Кто это? Сашиильцы? Росонцы?

Я это выясню.

Иду за воровкой по пятам. Она озирается, словно ищет отличительные особенности строения дома, чтобы сориентироваться по плану.

Ну конечно! Она должна найти мой кабинет. Все же хранят особо ценные реликвии там, да еще в сундуке тысячи артефактов, чтобы не достали.

Ну-ну, пусть ищет. Тогда я схвачу ее за руку и поймаю с поличным.

«Рат, нужна поддельная чешуя», – отдаю мысленный приказ.

И мой змей ускользает под землей по системе ходов для фамильяров.

Я сделаю для нее сотни ловушек – в какую-то да попадет.

Глава 10

Лидия

Я осторожно ступаю по коридору, прижимая Мари к себе. Малышка успокоилась, уткнувшись носиком мне в шею, и теперь мирно сопит.

Где же мне найти этого Эрни?

Я вспоминаю пристройку-кухню на территории. Что ж, пожалуй, лучше места, чтобы собрать информацию, не найти. Уверена, что женщины на кухне точно знают и кто такой Эрни, и где мне лучше всего найти кормилицу. А еще там можно найти кипяченой водички для Мари, а может, и кабачок, чтобы организовать прикорм.

Я не знаю, давала ли Мари мама что-то помимо молока, поэтому начинать буду с чайной ложечки.

Пока иду по коридору, мое внимание привлекает гобелен. На нем континент, разделенный на несколько разноцветных территорий с непонятными мне пометками. В центре огромный дракон, извергающий пламя.

– Мы с тобой где-то на этих волшебных землях, малышка? – шепчу я ей в макушку.

И тут дракон с гобелена поворачивает голову и смотрит на меня.

– Мамачки! – Я подскакиваю и пускаюсь дальше по коридору.

Выхожу в зал с оружием, и мне кажется, что каждое из них наставляется на меня.

– Ох и не нравится мне тут обстановочка! – Я перекладываю Мари на другую сторону, подальше от особо страшных штуквин.

Проскальзываю по холлу так быстро, как только могу, и упираюсь в массивные резные двери с драконьими головами вместо ручек.

Они и не думают открываться, сколько бы я к ним ни подходила вплотную. Хорошо хоть драконьи пасти неподвижны.

А перед генералом открылись как миленькие!

– Абракадабра! – пробую я, ни на что не надеясь, скорее от абсурдности своего попадания в магический мир.

Естественно, чуда не происходит и двери не открываются.

– Ахалай-махалай! – произношу заклинание известного в моем мире фокусника.

Не работает. Я уже нервно посмеиваюсь.

– Ширли-мырли! – пробую бредовое, но веселое.

И тут позади себя чувствую движение. Молоденькая служанка молча толкает дверь и красноречиво смотрит на меня как на круглую дуру.

Хочется провалиться сквозь землю!

– Спасибо! – проскакиваю я в открытую дверь, прижимая к себе Мари.

Сбегаю по ступеням и только потом понимаю, что можно было все узнать и у служанки. Нет, нельзя, дико стыдно же. И двери уже закрылись, а лишний раз к этим открытым пастьям подходить не хочу.

– Мари, обещаю, я скоро освоюсь и не буду так тупить, – шепчу девочке, идя в сторону постройки-кухни, откуда в небо поднимается печной дым.

– Гу-гу, – очаровательно улыбается мне малышка.

Сердце щемит так, что я останавливаюсь. Наполняет нежность к этому милому ребенку. Эта девочка прекрасна. Кто посмеет ее обидеть, будет иметь дело со мной.

– А вот и кухня. – Меня успокаивает говорить вслух с Мари.

Я поднимаюсь по двум ступеням и попадаю в царство еды и суеты.

В просторном каменном помещении с огромными печами, котлами и длинными столами кипит работа. Женщины в фартуках режут овощи, месят тесто, громко общаются друг с другом.

Полная тетка с красными от жара щеками замечает меня первой. Замирает, и по ее взгляду я сразу понимаю, что мне тут будут не рады.

Стук ножей о доски прекращается как-то разом. И только шкворчащее масло на сковородах говорит о том, что я по-прежнему хорошо слышу.

– Здравствуйте, – говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я ищу Эрни. Или, может, у вас найдется молоко для ребенка?

Женщины переглядываются между собой, но никто не отваживается заговорить со мной первой. Наконец краснощекая дородная кухарка – та самая, что первой меня заметила, медленно вытирает руки о фартук. Ее глаза сужаются.

– Зачем тебе наш Эрни?

Если озвучу, что Тимрат велел взять у него деньги, то навлеку на себя еще большее презрение.

– Генерал сказал, что я должна его найти.

Выражение лица женщины тут же становится более почтительным, но я не обольщаюсь, что ее отношение ко мне изменилось. Скорее, они тут очень уважают хозяина дома.

– Кто такая будешь?

– Лидия. Мне генерал поручил заботиться о малышке.

Женщины переглядываются, и я так и чувствую повисший в воздухе шлейф сплетен.

– Это та самая? – шипит одна из них – молодая девчонка со щербатым ртом.

– Должно быть. Говорят, она с ребенком пришла. – Девушка постарше кидает на меня враждебный взгляд.

– И лицо такое же, – добавляет третья, с волосами, покрытыми платком, и окидывает меня презрительным взглядом с ног до головы.

Я чувствую, как по спине пробегают мурашки.

Наверное, они видели те объявления о розыске, о которых говорил Тимрат.

– Я – не она, – произношу громко и уверенно, но лица женщин перекашивает неверие.

Собираю всю волю в кулак, терпение – по сусекам и говорю:

– Я проснулась с младенцем в руках на пороге дома.

– Косит под потерявшую память? – хмыкает щербатая.

– Похоже на то, – фыркает та, что в платке.

Я глубоко вдыхаю и шумно выдыхаю, теряя терпение. Нога отстукивает нервный такт по полу, как бывает всегда, когда я дико злюсь.

Мари будто чувствует напряжение и начинает недовольно кряхтеть на руках, и это тут же меняет фокус моего интереса.

– Вы можете как угодно относиться ко мне, но дочке генерала, Мари, нужно поесть. У вас есть хотя бы вода?

Даже путнику не отказывали в домах. Что они скажут?

Полная женщина с румяными щеками кивает.

– Вода есть, только остудить надо.

Она наливает в чашку без ручки воду из необычной посуды и кладет туда чайную ложку. Идет ко мне, и я вижу, что она хромотает на правую ногу.

– Держи.

– Спасибо! – Я киваю, забирая чашку.

Оглядываюсь, вижу свободную скамейку и сажусь на нее. Кружка в моих руках теплая, а это значит, что мне придется дуть на ложечку, чтобы напоить Мари.

– А что здесь-то? Двора мало? – Щербатая начинает возмущенно резать овощи.

Я игнорирую ее, зная, что ничто в мире не топит женские сердца быстрее, чем милый малыш. Побуду здесь, пусть попривыкнут и ко мне, и к Мари. А там и выясню все и про кормилицу, и про Эрни.

Я набираю ложку воды, подношу к губам и дую. И тут внезапно все звуки кухни стихают, даже треск дров в печи. Воздух становится густым, как сироп.

Кухарки застывают в странных позах: одна с полуочищенной морковью, другая с занесенным половником, третья наклонилась за уроненным ножом. Их глаза широко открыты, но взгляды застыли, словно время для них остановилось.

Но только не для нас с Мари. Мы двигались!

И только я это поняла, как все снова оживо, оставляя теперь уже меня застыть от удивления.

Глава 11

Мари, малышка, это сделала ты?

Воистину волшебный ребенок!

Кухня снова наполняется звуками – треском дров, стуком ножей, перешептываниями женщин. Нос щекочет аромат куриного бульона, и мой рот наполняется слюной, а живот урчит. Снаружи ветер нежно перебирает листву деревьев, словно говоря, что он и не такую магию видел.

А вот я-то нет!

– Открой ротик, Мари. – Я осторожно пою ребенка с ложечки. – Это, конечно, не насытит твой животик, но я найду тебе смесь. Обещаю.

– Какую еще смесь? Песком собралась кормить, что ли? – Щербатая подленько хихикает и переглядывается с другой девушкой, что постарше. – Совсем недалеко. А генерал еще ее столько времени искал.

– Наверное, она рот не для разговоров открывала! – отвечает ей подружка.

Что? Я чуть ложку не роняю от шока.

Нет, ну до чего же злucie и испорченные тут девахи.

Чувствую, как горячая волна гнева поднимается от живота к горлу. Эти кухарки смотрят на меня с таким презрением, будто я украла последнюю краюху хлеба у их детей. Но сейчас не до них – в моих руках кряхтит голодная Мари.

– Цыц! – Краснощекая женщина строго смеряет каждую из сплетниц взглядом. – Расшипелись тут. Ребенка испугаете.

Да она не так плоха, как мне показалось на первый взгляд!

Мари морщит носик и начинает капризничать. Я качаю ее, но она не успокаивается. Еще бы! Голодного ребенка так не успокоить.

Эх, если бы у меня сейчас была хоть одна баночка смеси! Неужели тут о них и не слышали?

В моем мире они появились только в 1867 году, когда Анри Нестле смешал коровье молоко с мукой. Есть тут такой же гений?

Я мысленно перебираю историю педиатрии, вспоминая, как в древности детей кормили разбавленным козьим молоком или даже жеваным хлебом в тряпочке.

– Подскажите, пожалуйста, – обращаюсь к самой дородной из них, – где найти кормилицу? Мари хочет есть и с каждой секундой будет все громче. А генерал не оценит ее плача.

Женщина с красными от жара щеками тяжело вздыхает:

– Есть козье молоко, но младенцу его разбавлять надо.

Хорошо, что тут знают, что его нужно разбавлять, но я так рисковать не хочу. Козье молоко дает слишком большую нагрузку на почки малышей. Нет ничего лучше грудного молока. Тем более генерал явно не стеснен в средствах, может потянуть оплату кормилицы.

А то вот так оставлю Мари с инструкцией кормить козьим молоком, кто-то будет ее сырым поить или не разбавлять. Или еще что случится.

Нет.

– Козье молоко не подойдет, – твердо говорю я, качая Мари. – Нужна кормилица. Генерал сказал, что деньги у Эрни, так что мы можем нанять любую.

Женщины снова переглядываются. Краснощекая с некоторым сочувствием говорит:

– Эрни в змеянике. Но я не думаю, что ты найдешь кормилицу так быстро. Лучше напои козьим молоком.

– Почему не найду? – Я настороженно замираю, уже предчувствуя ответ.

– Потому что все знают, чей это ребенок, – бросает щербатая, и в ее голосе звучит зло-радство.

Ну что за мир? Это же голодный младенец! Невинный малыш.

– Что это значит? – стараюсь говорить спокойно, поэтому выходит, что я чеканю слова.

– Значит, что никто не захочет кормить дочь той, что обманула генерала, – кривляется щербатая.

Вот же гады! Ребенок-то ни в чем не виноват.

– Мари – его дочь, – говорю я, и мой голос дрожит от гнева. – Как думаете, если генерал узнает, что его ребенку отказывают в еде из-за каких-то предрассудков, что он скажет?

– Вот когда генерал при всех признает ее своей, тогда и будешь тут права качать! – снова всовывается щербатая.

Я своим ушам не верю. Неужели здесь, в поместье генерала, вот так будут относиться к младенчику?

Краснощекая стучит ножом по деревянному столу и грозно смотрит на злючку:

– Да замолчи ты! Будешь матерью – поймешь проблемы. А ты, Лидия, иди к змеяннику. Эрни найдешь по музыке. А я на всякий случай козье молоко прокипячу. И это... Равилия я.

– Приятно познакомиться, – киваю я, хотя в нашей встрече нахожу мало приятного.

Но она самая адекватная из кухарок, и ругаться с ней не стоит.

– А змеянник – это где много-много огромных змей, да? – переспрашиваю я.

Встречаюсь с недоуменными взглядами и тихонечко вздыхаю. Кажется, это слово тут такое же обычное, как «солнце» и «небо», и их удивляет мое незнание.

Невольно ежусь, представляя десяток змей подобно той, на которой катался генерал.

– А куда мне идти, Равилия?

Когда обращаешься к человеку по имени, он начинает относиться к тебе чуточку лучше. Что я и использую.

– Направо поверни, пройди до конца, а потом налево и до упора.

– Спасибо!

«Направо до конца, потом налево и до упора», – повторяю про себя.

Я спускаюсь по двум ступеням на брусчатку и иду в нужном направлении, постоянно покачивая капризничавшую Мари.

Как там, Равилия сказала, я найду Эрни? По музыке? Это как? Он там играет змеям на флейте или еще что?

Глава 12

Я замираю на полпути к змеяннику, услышав странную протяжную мелодию. Двигаюсь дальше и разбираю слова – поет мужчина о разбитом сердце, о предательстве, о душевной боли.

Поет словно из колонки, явно не живой звук.

Ого, в этом дракомире есть музыкальные проигрыватели?

Песня разносится по двору, навевает грусть на всех, кто мне встречается по пути. Мужчина с мешком на плечах идет, понурился голову. Служанка, что подметает двор, тяжело вздыхает и обращается к мужчине:

– Опять Эрни бросили.

– И не говори. Теперь до праздника Огня будем слушать Макиаски.

Служанка снова тяжело вздыхает, бросает на меня удивленный взгляд и замирает.

Мари на руках внезапно затихает, широко раскрыв глаза, и тянет ручки в сторону звука.

– Хочешь туда? – Я прижимаю ее к себе ближе и не удерживаюсь – целую в лобик.

Она отвечает восторженным «агу!», и я улыбаюсь. Прохожу мимо замершей с метлой служанки и приветственно киваю ей.

Ох, как ее в ответ перекашивает!

С каждым последующим шагом музыка становится громче.

– Налево и до упора... – бормочу я, сворачивая за угол.

И тут же останавливаюсь как вкопанная. Передо мной огромный круглый амфитеатр, уходящий вниз ступенями. В центре, на песчаной арене, на камне сидит мужчина, волосы которого тронула седина, в длинном кожаном плаще, а вокруг него...

Змеи.

Десятки, нет, сотни змей.

Одни тонкие, как плети, с переливающейся чешуей, ни на секунду не останавливаются в спутанном клубке. Другие упитанные, длинные, напоминающие питонов, медленно ползут по песку. Третьи – с крыльями, как у летучих мышей, свернулись в кольца на каменных ступенях.

Рядом с мужчиной лежит светящийся камень, пульсирующий ритмом музыки. Кажется, именно из него и исходит эта слезовыдавливающая мелодия.

– Не суйся к нему, девочка. Он сегодня в плохом настроении, – слышу я мужской голос сбоку.

А я и не заметила стражу в кустах! Молодой парнишка в черном с хмурым взглядом стоит в тени и не шевелится.

– Меня даже люди в хорошем настроении здесь тепло не принимают. Не привыкать. – Я пожимаю плечами.

Останавливаюсь на вершине амфитеатра. Кажется, теперь настал мой черед тяжело вздыхать. И как мне докричаться до самозабвенно утопающего в грусти управляющего?

– Господин Эрни! – кричу я.

По тому, как дергается нога мужчины, понимаю, что он меня слышит, но упрямо делает вид, что нет.

– Господин Эрни!

Снова мелодия поглощает мой голос для управляющего.

Я набираю полную грудь воздуха, а потом смотрю на Мари и выпускаю его через рот. Не могу кричать – испугаю малышку громким криком, и она снова расплачется.

– Господин Эрни!

Игнор.

Что ж, ладно. Буду играть по его правилам. Хочет грустить под песню – я ему это устрою. Вот только пока все в очереди за слухом и голосом стояли, я стояла за упорством.

Я встаю в тень дерева, кладу голову малышки на локоток, начинаю качать ее и петь.
– Лу-у-уч со-о-о-олнца золото-о-о-ого, – завываю я.

Мари вскидывает ручки ко мне и улыбается.

– Тьмы-ы-ы скрыла-а-а пелена-а-а. – Пою и вижу, как половина змей поворачивают голову в мою сторону.

Глаза Мари начинают медленно закрываться. Неожиданный побочный эффект моих завываний, однако! Но я не против.

– И-и-и между нами сно-о-ова, – продолжаю я, наблюдая за Эрни.

Он накрыл рукой свой светящийся камень, и его печальная мелодия смолкла. Мари же на моих руках полностью опускает веки, и личико расслабляется, как бывает только во сне.

– Вдру-у-уг выросла стена-а-а. – Я же продолжаю. – Ночь пройде-е-ет, наступит у-у-утро ясное, – пою я свое отвратительное а капелла.

Эрни начинает медленно поворачиваться.

– Знаю, счастье нас с тобой ждет!

Эрни разворачивается ко мне, сидя на камне, и поднимает голову, наши взгляды встречаются.

– Ночь пройде-е-ет, пройдет пора-а-а ненастная. Солнце взойде-е-ет!

Эрни привстает.

– М-м-м, солнце взойде-е-ет!

Эрни спрыгивает на песок. Мне кажется, что он задавит змей ногами, но те в последний момент бросаются врассыпную.

Я не пойму, зол он или нет. Особенно когда он плавно, вразвалку, поднимается по ступеням.

А я продолжаю. Пою второй куплет легендарной песни, несмотря на неизвестный эффект:

– Петь птицы переста-а-али...

Эрни уже на середине пути ко мне.

– Свет звезд коснулся крыш...

Я сбиваюсь, потому что он оказывается рядом. По его испещренному морщинами лицу совершенно ничего не понять, он отлично держит себя в руках.

– Продолжай! – вдруг говорит он сиплым голосом, словно у него стаж курильщика минимум лет сто.

Я прочищаю горло:

– В ча-а-ас грусти и печ-а-а-али...

Эрни садится под дерево, спиной опирается на ствол. Кажется, место грусти управляющего переместилось сюда.

– Ты-ы-ы голос мой услы-ы-ышь.

Я замолкаю и тут же ловлю на себе вопросительный взгляд Эрни.

– Ну. Продолжай.

– Мне нужно найти для Мари кормилицу. Потом хоть всю ночь буду петь. Тем более малышке очень нравится эта песня.

Глава 13

Эрни прищуривает свои мутные глаза, словно пытаюсь разглядеть меня сквозь пелену грусти. Его на удивление ухоженные длинные пальцы нервно постукивают по колену.

– Кормилицу? – переспрашивает он, и в его голосе звучит что-то между насмешкой и усталостью. – Ты хочешь сказать, что генерал разрешил тебе тратить его золото?

Я чувствую, как по моей спине пробегает холодок. Этот старик явно не из тех, кто легко расстается с деньгами. Но Мари на моих руках начинает кряхтеть, и я понимаю: отступить некуда.

– Да, это приказ генерала. – Я приподнимаю подбородок.

Эрни хрипло смеется, и этот звук напоминает скрип старого дерева.

– Ох уж эти женщины... Всегда знают, как вытянуть из мужчины последнее.

– Это не про меня, – резко отвечаю я, чувствуя, как нога начинает нервно отстукивать ритм по земле. – Ребенок голоден. Ему нужна еда.

– А тебе? – внезапно спрашивает Эрни, и его взгляд становится пронзительным. – Что тебе нужно? Золото генерала или что-то еще?

Я замираю, стараясь не реагировать на провокацию. Мне стыдиться нечего.

– Я хочу, чтобы Мари была здорова.

– И все?

– И все.

Эрни медленно кивает, потом тянется к поясу и достает небольшой мешочек. Он бросает его мне, и я ловлю его одной рукой, прижимая Мари другой.

– Там пять золотых. Хватит на месяц кормилицы. Если, конечно, найдется такая дура, которая согласится кормить твоего ребенка.

Я сжимаю мешочек в кулаке.

– Почему все так ненавидят этого ребенка?

Эрни смотрит на меня долгим взглядом, потом пожимает плечами.

– Потому что ненавидят тебя.

– Но я же не...

– Слышал-слышал. Ты не она, – машет он рукой. – Только вот никто тебе не поверит.

И не простит.

Простит? Слишком громкое слово для отношения к воровке. Словно за этим скрывается что-то еще.

Я вдыхаю всей грудью. Эрни точно способен глубоко переживать, а значит, и сопереживать. Если я чуть поднажму, он мне поможет.

– У меня такое чувство, что здесь совсем не ценят детей. Как можно срывать злость на такой крошке? Она-то тут при чем?

Эрни смотрит на меня тяжелым взглядом, откинув голову, прикасаясь макушкой к стволу дерева. Он словно ведет со мной мысленный диалог, которого я не слышу. Я же твердо смотрю в ответ.

– Ладно. – Он вдруг поднимается с земли и отряхивает плащ. – Пойдем. Ребенок правда ни в чем не виноват.

Мы идем по узкой улочке, и я вижу вдалеке деревню. Мари спит у меня на руках, а Эрни двигается шагов на пять впереди, изредка оборачиваясь, чтобы убедиться, что я все еще иду следом.

Неожиданно он говорит:

– Драконы не ошибаются. Они помнят каждый запах, каждый вкус. Если генерал говорит, что это ты – значит это ты.

Я молчу, потому что порядком устала от этих обвинений. Доказать свою непричастность пока не могу, поэтому просто буду делать свое маленькое дело, а потом уйду отсюда.

Мы подходим к ветхому дому, которому срочно требуется ремонт. О, кажется, здесь хозяевам точно не помешают пять золотых.

– Вот дом Рании. Она кормила последнего ребенка в деревне. Может, согласится.

В его взгляде, брошенном на дом, я что-то улавливаю. То ли тоску, то ли обиду, то ли еще что. Он держится так, словно не хочет подходить к крыльцу. Или очень хочет, но не может.

Эрни показывает мне рукой на дверь, а сам замирает поодаль, сцепив руки за спиной.

Я стучу в толстую дверь, и через мгновение и дикий скрип петель на пороге появляется женщина лет тридцати с заплаканными глазами. О-о-очень красивая девушка с формами.

На меня она смотрит вскользь, останавливая взгляд на Эрни, который держится на отдалении.

– Что надо? – бросает она, и ее брови вопросительно изгибаются.

В ней нет той холодности, которую она старательно изображает. А когда ее взгляд возвращается ко мне и падает на ребенка, она тут же меняется в лице и становится еще красивее. Мягкость и нежность – ее сила, это точно.

– Здравствуйте. Я ищу кормилицу, – говорю я. – Пять золотых в месяц.

Рания смотрит на меня, потом на Эрни, потом снова на меня.

– Ты... новенькая? – осторожно спрашивает она и внимательно ко мне присматривается. – Откуда-то я тебя знаю, но не могу вспомнить.

Ну снова вернемся к этим плакатам!

– Разве это важно, когда ребенок голодает? – спрашиваю я, и Рания настораживается еще больше.

Теперь она смотрит на Эрни, а тот от ее взгляда явно чувствует себя неловко.

– Эрни?

Он хмурится в ответ и, не глядя на меня, бросает:

– С плаката.

Женщина переводит на меня такой взгляд, будто я ее семью под тюрьму подвела, а потом медленно качает головой.

– Нет.

Я прикрываю глаза, а носком ноги уже отбиваю ритм своих поднятых нервов.

– Если я мешаю вам спасти жизнь Мари, то я уйду прямо сейчас и вы меня больше не увидите. Я прошу об одном – станьте кормилицей для этой девочки. Она дитя генерала. Вообще, не понимаю, как он может вот так бросить своего ребенка на произвол судьбы и как вы все это поддерживаете!

Рания смотрит на меня очень внимательно, а потом открывает дверь шире:

– Я покормлю ее один раз. Дальше ищите другую кормилицу.

Я ликую. Ведь нет ничего более постоянного, чем временное!

Глава 14

Рания впускает нас в дом, и я сразу же ощущаю уют. Здесь пахнет свежим хлебом и травами, а на стенах развешаны детские рисунки.

– Садись, – говорит она, указывая на деревянную скамью у стола. – Давай ребенка. Как зовут?

– Ее Мари.

– А тебя?

– Лидия.

– Я Рания.

– Мне очень приятно познакомиться. Правда. Все на меня смотрят волком, не верят, но я справлюсь. А вот Мари нет. Ей нужна еда.

Я осторожно передаю ей Мари, и малышка, почувствовав тепло чужого тела, тут же начинает кричать, но не плачет. У меня в груди болезненно тянет.

Я никогда не смогу покормить дитя. Никогда не смогу сама родить свое дитя.

Глаза наполняются предательскими слезами, и, как только Рания ловко устраивает ее у груди, а Мари жадно прикладывается к молочку, я отворачиваюсь, стирая слезы.

Я даю себе успокоение, а Рании – уединение, отхожу к окну и замечаю, как Эрни стоит вне дома, будто не решаясь войти, хотя хозяйка оставила дверь открытой. Его взгляд на дом – странная смесь боли и нежности.

– Эрни, боишься зайти? – вдруг спрашивает Рания в направлении открытой двери, но негромко, чтобы не спугнуть Мари.

Он хмурится, но делает шаг вперед, а потом замирает.

– Не мое это дело.

– О, значит, мое. – Рания смотрит в сторону двери, и в ее глазах вспыхивает огонь. – Ты же сам привел их ко мне.

Мне неприятно это слышать, но не смертельно. Главное – Мари ест.

Эрни молчит, но его пальцы сжимаются в кулаки. Я же чувствую себя лишней на этом поле выяснения отношений. Ушла бы, но не могу оставить Мари.

Я чувствую, что между ними что-то было. Что-то важное.

Если у Рании есть молоко, то она кормящая мать. Кто тогда Эрни – ее муж?

Нет, он бы по-иному себя вел. Тогда кто?

Столько вопросов, но пока нет ответов. А я не вправе расспрашивать и лезть под кожу, когда и так едва добилась кормления для малышки.

– Спасибо, – говорю Рании, когда Мари наедается и засыпает у нее на руках. – Вы не представляете, как я вам благодарна.

– Один раз, – строго напоминает она, но я вижу, как ее пальцы нежно гладят спинку малышки.

– Да, конечно.

Я забираю Мари. Она сонно приоткрывает глаза, смотрит на меня и улыбается. Боже, какая она милая.

– Это же твое дитя. Это видно, – укоризненно говорит Рания. – Грех отмахиваться от своих чад.

Я смотрю на женщину, потом на детские рисунки на стене. Перед глазами встает самый страшный день моей жизни – когда мне сказали, что я бесплодна.

Помню, как я потом шла по городу и, как назло, навстречу попадались мамочки с колясками. Детские площадки, обычно пустые в обеденный час, были полны резвящихся детей.

Я тогда ушла в глухой переулок и проплакала там часа два, не меньше. А потом еще несколько месяцев обходила площадки стороной и избегала женщин с колясками.

– Я все бы отдала, чтобы эта малышка была моей, – говорю я, и мой голос сиплый от эмоций. – И не пошла бы к генералу. Просто осела бы где-нибудь, зарабатывала бы как могла. Растила Мари. Но я не имею на нее права – у нее есть отец, да и мать может вернуться.

Рания смотрит на меня нечитаемым долгим взглядом, чуть прищурившись. Она словно пытается залезть мне в голову.

– Одной с ребенком можно прожить, – неожиданно говорит она. – Я тому пример. Не шикаю, конечно, но на хлеб могу заработать.

Она делает паузу и с пониманием в голосе говорит:

– Кормилицу, конечно же, я бы не потянула. Понимаю, почему ты пришла к генералу, но он не простит.

– Кражу ста золотых? – тяжело вздыхаю я.

Уже устаю повторять, что это не я.

Рания отводит глаза, сразу хмурится, мрачнеет. Все расположение как ветром сдувает. Она встает с лавки, опираясь на колени.

– Ладно. Я свое дело сделала, дальше сама.

И когда она встает, морщится, вдруг хватается за низ живота.

– Что с вами? – Я подхожу ближе, чтобы, если что, подхватить.

Рания бледнеет, на лбу появляется испарина.

– Эрни! – зову я.

И управляющий в мгновение ока оказывается рядом, подхватывает Ранию, теряющую сознание. На руках он тут же несет ее к двери, и по одному его перепуганному виду я могу точно сказать: он влюблен в нее без памяти.

– Я открою. – Я держу Мари одной рукой, второй открываю дверь.

Первая захожу внутрь, открываю дверь нараспашку. Быстро осматриваюсь – это маленькая спальня с кроватью на соломе и подвесной люлькой, в которой спит малыш. На вид ему годик, не больше.

– Эрни, у Рании есть хронические заболевания?

– Что? – Он кладет ее на кровать и смотрит на меня как на сумасшедшую.

– Чем она болеет? Такое с ней уже бывало?

Малыш в деревянной кроватке с бортиками просыпается и сразу начинает хныкать.

– Эрни, бери его на руки и успокой, а я положу туда Мари, пока осмотрю Ранию.

– Так лекаря нужно вызывать.

– Вот и зови, только с ребенком своей любимой на руках. Я с двумя детьми и Ранией в отключке точно не справлюсь.

Эрни взглядом оценивает ситуацию и кивает. Берет годовасика на руки:

– Берг, привет! Это я. Пробежимся с тобой?

Как я и подозревала, он ребенка знает. Мальчик быстро затихает, как только оказывается у Эрни, а потом они вместе исчезают в дверях.

Я бережно перекладываю спящую Мари в кроватку и поворачиваюсь к Рании.

Глава 15

Рания лежит на кровати, бледная, с испариной на лбу. Дыхание поверхностное, а пальцы судорожно сжимают край одеяла. Кажется, она пришла в себя, но сама не своя от боли.

Я осторожно присаживаюсь рядом и кладу руку ей на лоб – горячо.

– Рания, где болит? – спрашиваю тихо.

Она едва приоткрывает глаза, сжимает зубы и проводит ладонью по низу живота, еле слышно говорит:

– Тут.

Я киваю.

– Можно я осмотрю? Я женский врач. Доктор. Лекарь. – Я перечисляю все известные мне синонимы, пока лицо Рании не расслабляется.

Я сначала щупаю живот – он мягкий, но девушка тут же жмурится и подтягивает к себе ноги от боли.

– Как давно это началось?

– Два дня.

– Была у врача? – спрашиваю и вижу на лице Рании непонимание. – Лекарь?

Она мотает головой, сглатывает и шепчет:

– Я знаю, что это такое – женская огненная лихорадка. Просто оставьте меня в покое, и все пройдет.

Что это за болезнь такая? Впервые слышу.

Хотя это же другой мир, тут наши заболевания могут совсем по-другому называться.

У меня здесь нечем измерить давление. Могу только пульс по старинке отсчитать. Я беру Ранию за запястье и оглядываюсь в поисках часов.

И их нет! Ну как же этот мир неудобен.

Приходится ориентироваться примерно – 65 ударов в минуту. Пульс нормальный.

– Нет у меня денег на змея, – вдруг выдыхает с обреченностью Рания.

И я замираю.

– Что это значит?

Я смотрю на сухие губы девушки. Так как она не спешит мне отвечать, бегу на кухню и наливаю из кувшина в чашу воды. Возвращаюсь, приподнимаю голову Рании и даю попить несколько глотков.

– Хватит, пока я не поняла, что с тобой. При чем тут змей? Это связано с твоей болезнью?

– Конечно. Берту уже год и месяц, а я так и не купила ему змея.

Очень интересно, но ничего не понятно.

– Я не вижу связи.

Рания прикрывает глаза, а когда открывает их снова, обводит взглядом спальню:

– Где сынок? Кто там?

Она обеспокоенно пытается приподняться.

– В кроватке Мари. А Берт на руках Эрни. Они сейчас приведут врача. То есть лекаря.

– Не надо! Я знаю, что со мной. Сейчас лекарь золотой сдерет за то, что я и так знаю. –

Рания хватает меня за руку.

Я присаживаюсь на край кровати:

– И что же ты знаешь?

– Говорю же – змея Берту надо. А у меня денег нет.

Она бредит от лихорадки?

– Сейчас! – говорю я.

Нахожу чистую тряпку, смачиваю ее и кладу на лоб Рании. Она облегченно вздыхает. Я дотрагиваюсь до ее рук и ног – они ледяные, несмотря на то что Рания вся горит.

Ясно, у нее спазм.

Я начинаю растирать кисти рук Рании, а она округляет на меня глаза:

– Ты что делаешь?

– Когда конечности холодные, это спазм. Помогает растирание, сразу станет легче. А пока расскажи мне поподробней про эту болячку.

– А ты не знаешь?

– Не знаю.

– Откуда ты тогда? И дочка же есть. А если бы сын был? Как ты... – Отчитывания Рании резко кончаются из-за спазма внизу живота, она сжимается в позе эмбриона.

Я снимаю с Рании поношенные тканевые туфли и начинаю растирать ноги.

– Не надо. Грязные.

– Я тебе уже говорила, что я женский врач. То есть лекарь.

– Какой же лекарь не знает про женскую огненную лихорадку, – бормочет Рания с закрытыми глазами, лежа на боку.

– Я не из этих мест.

Я не говорю, что из другого мира. Мало ли. Еще на съедение этим самым змеям отправят.

Растираю ноги и руки Рании до момента, пока они не становятся одинаковой температуры со всем телом. Ей заметно легче – она распрямляет ноги, губы розовеют.

– Можно убрать тряпку? Мешает. – Рания стягивает мокрый хлопок со лба еще до моего ответа.

У нее и голос бодрее, и цвет лица лучше.

– Лекаря не пускай. За ложный вызов вдвое меньше заплатим. – Рания присаживается на кровати, подтягивается к изголовью, чтобы опереться на него спиной.

– Так почему у тебя эта женская огненная лихорадка? – Я подаю ей чашу воды.

Она пьет маленькими глотками и в промежутках говорит:

– Когда драконьим сыновьям исполняется год, им нужен змей. Они проходят через ритуал единства и после становятся побратимами. Обмениваются энергией на протяжении всей жизни. В этот момент мальчик уже не может пить материнское молоко. Если женщина не отлучает его от груди, то включается природа и возникает женская огненная лихорадка.

Я несколько секунд усваиваю информацию.

– Это случилось после того, как ты покормила Мари.

– Мари ни при чем. Просто у меня нет денег на змея, вот и все дела.

Я не припоминаю пять золотых за кормление, от которых Рания отказалась. Наверное, страх перед Тимратом сильнее этих мучений. Спрошу другое:

– А если прекратить грудное вскармливание?

– Это может помочь. Но я живу на деньги от кормления других малышей. У меня двое крох в округе, которых я подкармливаю – мне платят. С таким маленьким ребенком, как Берт, мне не найти другую работу. Но и этих денег нам хватает только на самое основное. Я же одна. Муж умер, когда Берт еще в животе был.

Вот, значит, как. Я осторожно говорю:

– Мне кажется, Эрни не против тебе помочь.

– Взять деньги дракона – стать его.

– Эрни тебе не нравится?

Мне так не показалось. Кажется, между ними точно есть какие-то чувства. Просто Рания хранит траур по мужу.

– Я поклялась матери Грегори, что буду носить трехлетний траур. Она и без того упрекает меня в том, что я не ношу черное, как все вдовы. А я просто экономлю и не покупаю новые платья. Ему там все равно, какого цвета на мне одежда. Он видит мою искренность.

Меня очень впечатляет история Рании и тонкости этого мира со змеями. Я даже несколько секунд сижу в тишине.

И тут мы слышим звук шагов по ступеням.

– Скажи лекарю, что это ложный вызов! – Рания хватается меня за руку. – Пожалуйста!

Ох! Как врач я очень против самостоятельной постановки диагноза, а вот как женщина прониклась ее историей.

Как же быть?

Глава 16

Во входную дверь сначала входит Эрни с Бертом на руках, а за ним – низенький мужчина в странной одежде с нашивками и большим чемоданом. Должно быть, именно он и есть местный лекарь.

Холодным и безразличным взглядом он окидывает меня с головы до ног, а потом скользит по Рании.

– Скажи ему... – Она дергает меня за платье.

А я, как врач, просто не могу так поступить. Поэтому оборачиваюсь, наклоняюсь к Рании и шепчу:

– Я возьму траты на себя. Обещаю.

И свое обещание я собираюсь исполнить. Отказываться от осмотра доктора, верить только домыслам – это непрофессионально. Я себе не прощу, если самодиагностика дала маху.

– Кто пациент? – спрашивает лекарь резко, одним тоном обозначая, что стоит поторопиться.

– Она. – Я отхожу в сторону, зная, что врачи жуть как не любят, когда диагноз ставят за них.

И коллег рядом они тоже на дух не переносят, что в своей области, что в другой, поэтому лучше не умничать. Думаю, местные лекари мало чем отличаются от наших.

И я даже одобряю этот подход, зная, что пациенты гораздо охотнее верят «соседке, которой помогло», чем доктору с огромным опытом работы.

Лекарь принимает, только подходя к Рании. Это выглядит странно, но никто не обращает на это внимания – ни сама пациентка, ни Эрни. Из чего делаю вывод, что здесь это в порядке вещей.

Рания замирает, словно лань перед стрелой, только моргает. Напряженная до предела, она кусает губы и со слезами на глазах поглядывает на меня.

«Обещаю, я оплачу», – пытаюсь донести до нее взглядом.

Лекарь же бросает взгляд на детскую кроватку со спящей там Мари и хмурится. Проводит рукой над лбом Рании, потом над грудью, а после над животом, внизу которого замирает.

– Огненная лихорадка. Сколько дней? – Тон становится совершенно ледяным.

Рания бросает на меня быстрый взгляд и вся сжимается, но не отвечает.

– Два, – говорю вместо нее, зная, как для врача важно собрать правдивый анамнез.

Лекарь достает из чемодана зеленую бумагу и проводит по ней пальцами, словно очерчивает строки. Под пальцами вырисовываются символы, которые я прекрасно понимаю.

«Диагноз: женская огненная лихорадка.

Рекомендации:

1. Перестать кормить грудью.

2. Купить змея для ребенка.

Подпись: Тезон Гошуар»

Лекарь протягивает этот листок больной и поворачивается к Эрни:

– Два золотых.

– Был же один! – Рания охает и прикрывает рот рукой.

Лекарь на нее даже не смотрит, но отвечает:

– Меня выдернули из положенного отпуска. Два золотых.

Эрни тянется к карману, Рания дергается, а я останавливаю непоправимое, уже зная всю предысторию и последствия, если Эрни заплатит из своего кармана.

– Я сейчас оплачу. Генерал дал мне золотые.

Лекарь меняется в лице при упоминании генерала.

– Одного золотого хватит, – тут же заявляет он.

Я бегу за мешочком золотых, что оставили на столе. Достаю на ходу монету и протягиваю лекарю.

– Спасибо!

Рания смотрит на меня, поджав губы.

– Я провожу. – Эрни показывает лекарю на выход.

Стоит им только уйти, как Рания со слезами в голосе спрашивает:

– И зачем? Я же тебе только что все рассказала! С ума сойти, целый золотой! Да на него две недели жить можно.

– Рания, эти деньги мне дал генерал. Я сама решила их так потратить. Скажи, сколько стоит купить Берту змея?

Рания откидывается на подушку и со слегка сумасшедшей улыбкой говорит:

– Сто золотых.

– Сколько? – Из моих рук выскользывает мешок с четырьмя монетами, и я тут же его поднимаю. – Это же огромная сумма.

– Так и змей на всю жизнь. Сто – это самый простой змей, безродный, бесталанный. Считай, для галочки.

Я тут же вспоминаю невероятное количество змей в амфитеатре.

– Слушай, я у генерала видела сотню змей. Одна из них не подойдет?

Рания закрывает глаза и смеется:

– Думаешь, их можно просто попросить? Те змеи стоят несколько тысяч – боевые, именитых родов, разводятся для сыновей потомственных воинов. А мы кто? Деревенские. Нам такие не по зубам и не по карману.

– А как же ваши деревенские эти сто золотых набирают?

– Всем родом, вот как. И мы копили, да только нет у меня ничего.

Рания делает паузу. Чувствуется, что ей больно об этом говорить, но хочется высказаться.

– И куда же делись накопления? – Я сажусь на край кровати.

– Свекровь забрала сразу после рождения Берта.

– Она что, враг своему внуку? – Я возмущенно вскакиваю на ноги.

Рания горько смеется:

– От горя я много плакала, вот Берт и родился раньше срока. Свекровь – женщина старой закалки. Месяцы в уме посчитала и решила, что не могла я девять месяцев назад от рождения Берта с ее сыном возлежать – он на поле боя был с нашим генералом. Решила, что нагулянный он. Забрала деньги, взяла с меня клятву о трехлетнем трауре. Сказала, что потом деньги отдаст, если выполню обещание.

– Да ты же умрешь раньше от этой лихорадки.

Рания как-то особенно обреченно набирает полную грудь воздуха и тихо-тихо выдыхает.

– Как я зла! Я очень зла! С тобой так нельзя, Рания! Нельзя.

– Как видишь – можно, – тихо шепчет она.

Из нее словно разом все силы вытянули. И я ей безумно сочувствую. Понимаю теперь, почему Эрни вдали от порога стоял – боялся дать повод сплетням. И в змеячнике грустил не просто так: вот сколько чешуйчатых для Берта, а не взять – Рания не подпускает. Клятва.

– Рания, а если клятву нарушишь?

– А ты не знаешь? Печать на руке появится. Никто с тобой никаких дел иметь не будет. Ни на работу не возьмут, ни нормальный товар не продадут на рынке.

Я начинаю ненавидеть эту свекровь. Вот же глупая женщина!

– Так, Рания, смотри, четыре монеты у нас уже есть. – Я высыпаю деньги из мешочка. – Они не Эрни, они не генерала, они уже мои.

– Но тебе же они на кормилицу.

– Да. И этот вопрос я как-нибудь решу. Первое, что нужно выяснить, – насколько зависит твоя боль и кормление. Второе – есть ли способы облегчить твое состояние. И да, если ты не против, я с Мари перееду к тебе. Будем с тобой меняться – одна присматривает за детьми, вторая зарабатывает. Как тебе предложение?

Рания смотрит на меня так, словно я заговорила на незнакомом языке. Я же замираю в ожидании ее ответа.

Глава 17

Глаза Рании начинают блестеть от слез. Она сжимает край покрывала, словно это надежда, за которую она держится.

– Ты это серьезно? – Ее голос дрожит.

– Абсолютно. – Я киваю. – Твоя свекровь просто сживает вас с Бертом со свету. А вдвоем нам будет легче. Я от этого тоже только выиграю.

Рания решительно вытирает щеки от слез и предупреждает:

– Но генерал может тебя не отпустить.

Я тяжело вздыхаю, потому что это действительно проблема. Он считает меня воровкой. Даже отвел комнату рядом, чтобы приглядывать. Кто знает, как бы поступил, если бы не считал Мари моей дочерью. Однако своей он ее тоже явно не считает.

– Мне никто не мешал передвигаться по поместью, – рассуждаю я вслух. – И с Эрни я сюда спокойно пришла.

Рания скептически улыбается мне в ответ и склоняет голову набок.

– Ты такая наивная. Скорее всего, тебя стережет не один десяток змей.

Я тут же оборачиваюсь, смотрю на всякий случай на пол:

– Где?

Рания смеется – сначала тихо, а потом заливисто. Она словно выплескивает все напряжение, что у нее скопилось.

И конечно, будит Мари.

– Ой, прости!

Мари хнычет в кроватке, и я беру ее на ручки. Оказавшись у меня, она тут же сменяет гнев на милость. Поглядывает на меня своими невероятными голубыми глазками.

– Я совсем забылась от смеха, прости. – Рания встает с кровати. – Ты просто так смешно выглядывала змей на полу.

– А где их еще посмотреть?

– Змеи-побратимы у таких, как генерал, огромные. Они под землей по сети туннелей ползают. Откуда ты, раз таких элементарных вещей не знаешь? В соседних королевствах тоже везде так. Да на всем континенте.

И тут Мари делает то, о чем я могла догадаться. Она до этого поела, поспала, а теперь писала прямо на меня.

– Бинго! – смеюсь я.

– Что? Ой! – Рания всплескивает руками. – Сейчас достану чистую одежду. У меня от Берта осталось.

И тут она тормозит на полпути.

– Но... Наверное, не стоит. Генерал не одобрит. У меня старые вещи...

– Все он одобрит. Если не понравится – купит новое. Верно? А тебе огромное спасибо за помощь.

Я перемещаю Мари с руки на руку, и Рания снова охает:

– Твое платье! Я и тебе что-нибудь посмотрю из вещей.

– Спасибо!

Рания быстро находит одежду для Мари, а вот со мной выходит загвоздочка – платья сильно велики мне в груди. Настолько, что в ворот можно маленькую подушку запихать. Сверху вообще открывается обзор на все прелести.

– Ох. Ушивать надо. – Рания уже тянется за коробкой с нитками внизу шкафа.

Я вижу всего два платья на вешалках у Рании и три сорочки. У нее совсем небогатый гардероб. Если сейчас ушьет это платье, самой может оказаться не в чем ходить в один день.

Нет, я так не могу.

– Не надо. Я сейчас свое постираю. Если одолжишь мне до высыхания пока вот эту сорочку, буду очень благодарна.

– О чем речь! На, переодевайся. А мне пока давай Мари.

Я передаю девочку, и тут дверь скрипит. В комнату заходит Эрни с Бертом на руках. Останавливается на пороге, и его взгляд переходит с Рании на меня, потом на мокрое пятно на платье.

– Лекарь ушел. – Эрни неловко переминается с ноги на ногу. – Рания...

– Спасибо, что присмотрел за Бертом и позвал лекаря. Нам тут нужно кое-что сделать с Лидией, так что спускай Берта на пол. У него есть две ноги, которыми он прекрасно ходит.

Эрни с явной неохотой спускает мальчика с рук. Его взгляд останавливается на четырех золотых на прикроватной тумбочке Рании. Он вопрошающе смотрит на меня.

– Я сейчас, Рания. Попрошу только Эрни передать кое-что генералу. – Я выхожу на улицу, Эрни за мной.

Нам очень нужно поговорить.

– Эрни, я одолжила у генерала эти пять золотых. Отдам при первой же возможности. Скажи Тимрату, что я останусь в доме Рании.

Чем больше я говорю, тем сильнее вытягивается лицо Эрни. Потом он то мрачнеет, то светлеет лицом. В нем словно происходит внутренняя борьба.

– Генерал будет недоволен, – отмечает в итоге он.

– А он когда-нибудь бывает доволен? – пожимаю я плечами.

Эрни усмехается, но тут же спохватывается и снова становится серьезным.

– Ты не понимаешь, с кем связалась.

– О, я прекрасно понимаю. Но знаешь, нам с Ранией и детьми нужно выжить.

Эрни бросает долгий взгляд на дом.

– Я тебя уговаривал, ты не пошла, – вдруг говорит он.

– Да, ты даже угрожал, – серьезно киваю я. – А я пела песни.

Эрни усмехается, смотрит на меня потеплевшим взглядом, а потом встряхивает головой, словно сбрасывая наваждение. Разворачивается на месте и уходит, не сказав ни слова.

Я же возвращаюсь в дом. Рания уже вытащила сотканный из лоскутов коврик и расстелила его на кухонном полу для детей.

Мари лежит на животике ровно посередине и с любопытством разглядывает яркие квадратики. Берт стучит деревянными кубиками, сидя рядом. Рания же уже принялась за чистку картошки на кухне.

– Вон там в углу корыто. Можешь застирать платье.

– Ага, спасибо! Я переоденусь в спальне?

– Конечно!

Я быстро снимаю с себя голубое поношенное платье с мокрым следом и с удивлением вижу родное белье из моего мира. Я в этом черном комплекте на квест и пошла.

Так-так-так, получается, меня кто-то переодел, но не до конца – белье не трогал. Спасибо, мил человек, и на том.

Может, это та самая воровка, что так на меня похожа?

Я надеваю сорочку поверх нижнего белья. Замачиваю платье, беру на краю корыта кусок темно-коричневого мыла и как следует замыливаю пятно. Сама же думаю о том, почему сюда попала и как заработать золотые.

В это время Мари увлеченно наблюдает, как Берт играет с кубиками, и тут...

– Лидия! – Тимрат появляется на пороге и замирает, увидев всю эту картину.

Глава 18

Тимрат стоит в дверях, загораживая собой уличный свет. Его черные доспехи блестят, словно чешуя, а взгляд подобен острию кинжала. Он медленно оглядывает комнату – Ранию у печи, меня в сорочке у корыта, детей на полу.

И снова меня.

– Что это? – Его голос звучит так громко, что Берт вздрагивает и начинает хныкать.

Рания тут же бросается к сыну, а я – к уже готовой расплакаться Мари.

– Генерал, не пугайте детей!

Прижимаю малышку к себе, глажу по спинке, а Тимрат словно замирает, глядя на меня.

А потом несколько раз моргает и строго хмурится.

– Что это такое? – повторяет он.

Я оглядываюсь, не понимая, что ему не так.

– Это жизнь, генерал. – Я пожимаю плечами.

– Почему ты голая? – рычит вдруг он.

– Я не голая! Воротник по самое горло, длина до пят. Рукава только закатала, чтобы постирать нормально.

– Почему ты стираешь?

– А потому, что ваша дочка меня описала, генерал. У меня всего одно платье, а сорочка, которая вас так возмутила, и вовсе одолжена.

Рания со смущенным «ой» прижимает к себе Берта и убегает в комнату. Похоже, так легко тут нижнее белье не обсуждают, я могла бы и догадаться. С другой стороны, что мне еще делать? С притворным криком убежать прятаться? Ну уж нет.

Тимрат смотрит на меня с осуждением и чем-то, что я никак не могу распознать.

– Что задумала, Лидия? Думаешь второй раз меня соблазнить и еще что-нибудь украсть?

Я показательно оглядываюсь:

– Генерал, вообще-то, это вы сюда пришли.

– Эрни бредит. Сказал, что ты задумала тут остаться.

– Верно передал. Мы с Ранией нужны друг другу, чтобы выжить самим и сохранить жизнь детям. Если, конечно, вы не хотите спасти ситуацию. – Я делаю эффектную паузу и жду, сработает или нет.

Тимрат суживает глаза.

– Да? И как же? – Со мной говорит один скепсис.

– У Рании огненная лихорадка из-за того, что она не может купить Берту змея-побратима.

– А ты тут при чем?

Вот же! Ла-а-адно.

Я набираю небольшой тазик воды и протягиваю Тимрату:

– Помойте руки.

Он с каменным выражением лица моет. Вот и отлично!

– Подержите-ка, генерал. Мне нужно кое-что сделать. Знаете ли, языком чесать могу только за работой. – С этими словами я отдаю ему Мари.

Он держит девочку на вытянутых руках с таким видом, словно она сейчас может взорваться сотней неожиданностей. Ну ничего, он отец, пусть привыкает. По нему видно, что только оружие в руках привык держать. А раз детей делать научился – пусть и держать учится.

Я же встаю за корыто и продолжаю стирку своего платья, болтая:

– Вот вы спрашиваете, при чем тут я. А я вам скажу: что я, что Рания – в безвыходном положении. Ей весь воздух перекрывает свекровушка с клятвой, а мне – схожесть с воровкой. В итоге страдаем и мы, и дети.

Краем глаза подмечаю, что Мари агукает с Тимратом, а он очень старается слушать меня, но отвлекается на нее. И вид у него такой, словно он в величайшем в мире ступоре.

Я продолжаю замыливать пятно и болтать:

– Вот вы можете спокойно узнать, что Рания мучается от дикой боли, но не в состоянии купить сыну змея, а я не могу. И Мари без молока оставить не могу. Будем мы здесь вместе стараться выжить.

Тимрат переводит взгляд с Мари на меня:

– Я предоставил тебе крышу, еду и воду. Не тебе жаловаться.

– Пять золотых я верну. Если сможете подождать, то после того, как накопим на змея для Берта. – Я поднимаю мокрое платье над корытом и выжимаю. – Может, вы продадите нам одного из тех змеев в амфитеатре в долг?

Мари начинает капризничать и тянуть ручки к генералу.

– Я грязный, – строго говорит он Мари, сведя брови вместе.

Она все равно хнычет.

– Забери ребенка, – приказывает Тимрат, а я оглядываюсь по сторонам, нахожу сложенное чистое полотенце и подхожу к генералу.

Перекидываю через его грудь и плечо полотенце и говорю:

– Можете прижимать. Я еще не достирала.

– Но...

Мари начинает плакать, и он прижимает ее к себе. Малышка тут же замолкает и начинает агукать. Тимрат, кажется, совершенно выбит из колеи.

– Рания может принять предложение Эрни. Женщина должна быть либо под защитой рода, либо под защитой мужчины.

– А тут ни то ни другое не выходит. Не хочет она магическую клятву нарушать. Работу нигде не найдет.

Я выжимаю платье, и стоит мне только положить его на край корыта, как Тимрат впикивает мне в руки Мари.

– Работу я ей дам, если за Эрни выйдет. – Взгляд Тимрата падает мне ниже лица, он с шумом втягивает воздух и резко разворачивается.

На выходе говорит:

– Жду ее ответ завтра до обеда. И тебя в высохшем платье в доме. Тебе никто уходить не разрешал.

Дверь хлопает. Рания высовывается из спальни. Судя по лицу, она слышала каждое слово.

– Что скажешь? – спрашиваю я.

Глава 19

– И остаться на всю жизнь с меткой нарушителя клятвы на руке? – Рания качает головой. – Нет потом с ней будущего.

– Но генерал обещал тебе работу!

– Сейчас обещал и дал, потом что-то случится – и забрал. – Рания садится на табурет с Бертом на руках. – Еще два года назад я была самой счастливой женщиной на свете, но жизнь доказала, что может перевернуть все в один миг. Сейчас Эрни меня любит, а генерал в почете. Но никто не вечен, а должность может занять другой. А вот метка будет на моей коже до самой смерти. Понимаешь?

– Понимаю. Риск есть. Но сколько тебе еще хранить траур?

– Полтора года.

Я смотрю на Ранию и понимаю, что в таком темпе ей будет очень сложно протянуть эти полтора года. И сразу становится понятна отчаянная грусть Эрни, сидящего в змеянике. Он одновременно может и не может помочь и, похоже, все-все понимает.

– Да, ситуация тяжелая, но мы что-нибудь придумаем. Вместе уже будет легче.

– Да какое «вместе», Лидия? Слышала, что генерал сказал? Завтра тебе нужно вернуться в его дом до обеда.

Я смотрю на Мари, переодетую Ранней в штанишки и рубашку-распашонку Берта, и говорю:

– Я не его подчиненный солдат, чтобы слушаться приказов.

– Но он думает, что ты воровка, поэтому никогда не даст свободу.

– Если бы у него были доказательства, разве он не запер бы меня в тюрьму? Или думаешь, жалеет из-за Мари?

Рания отводит взгляд и тут же опускает Берта на пол.

– Надо ужин приготовить.

Похоже, она либо не хочет меня расстраивать, либо хочет оставить свои мысли при себе.

– Чем я могу тебе помочь?

– Посиди с малышами, а я почищу картофель, – с этими словами Рания достает две большие и одну маленькую картошину.

Она счищает кожуру маленьким, но очень острым ножом. Я же сажусь на коврик и занимаюсь с детьми. Примерно через полчаса ужин готов – по картофелине Рании, мне и Берту.

Все.

В этот момент я остро понимаю, насколько тяжело ей живется. Она не просто скромно питается, этого невероятно мало и для нее, и для малыша. А тут еще я ее объедаю.

– Рания, а какая работа есть в округе и сколько за нее платят? Кормилице платят пять золотых в месяц, так?

– Так.

– А служанке?

– Смотря где. В доме генерала никого не обижают, могут и те же пять платить. А если взять хозяйство поскромнее, то и три золотых будет хорошо получить.

– А сколько выходных в неделю?

– У кормилицы нет выходных. А у служанки два дня в неделю.

Так-так-так, я прикидываю в уме все расчеты.

– А мешок картошки сколько стоит?

– Десять серебряных.

Значит, помимо золотых, есть еще и серебряные. Логично, а то золотом разбрасываться, что ли?

– А сколько в одном золотом серебряных?

– Пятьдесят.

Вот оно как.

Подозреваю, что, даже если нам с Ранией удастся сразу найти работу, на которой мы будем трудиться через день, подменяя друг друга дома, заработаем мы только на нормальное пропитание и едва сможем откладывать на змея.

И будем очень долго копить эти баснословные сто золотых.

– Раня, нужно найти способ доказать отцовство твоего мужа и вернуть тебе деньги, которые прикарманила свекровь. Скажи, есть ли способ определить связь ребенка и родителя?

– Если и есть, то я о таком не слышала.

Как бы здесь пригодился ДНК-тест и волос погибшего мужа. Но это другой мир. Может, тут есть его магическая альтернатива? Хотя, наверное, Эрни бы уже нашел. Мне кажется, он не из тех, кто будет сидеть сложа руки.

– А свекровь... – Раня тяжело вздыхает.

По ней видно, сколько сил и нервов у нее съела та злая женщина.

– ...свекровь и на порог меня не пустит.

– Зато пустит меня.

Раня грустно смеется:

– Ты просто ее не знаешь. Как она овдовела, а потом потеряла сына, так никого, кроме лекарей, на порог не пускает. На них, наверное, все деньги и спустила.

– Лекарей, говоришь? Что ж, это как раз может быть по моему профилю.

Осталось дело за малым – как из воровки для всех превратиться в лекарку, которой доверяют.

Глава 20

Я и не замечаю, как хлопоты по дому и с детьми быстро съедают вечер. Особенно потому, что в это время произошло кое-что незначительное для каждой мамы, но такое важное для меня – первое купание.

Мари, конечно, уже не раз принимала ванну, но вот я делала это с малышкой первый раз и не знала, с какой стороны к ней подступить.

– Да что ты вся извелась? Держи под головку и под шейку, – говорит Рания, выливая в большой тазик с холодной водой только что вскипевший травяной отвар светло-зеленого цвета.

Воздух, наполненный ароматом неизвестных мне трав, явно должен меня успокоить, но не справляется. Я нервничаю, словно перед тем, как сказать своим религиозным родителям о том, что их дочь принесла в подоле.

– Ты и правда ей не мама. – Рания устает смотреть, как я наяриваю круги вокруг тазика, и протягивает к Мари руки. – Давай покажу.

Я прижимаю девочку к себе.

– Нет. Я справлюсь. Знаешь, я у себя дома, вообще-то, женский врач. Занимаюсь не только чисто женскими болячками, но и веду беременности. Я даже на десяти родах присутствовала и лично принимала двух малышек.

– Но ни разу не купала?

Помню, как приняла первого ребенка и была удивлена, какой же он беленький из-за смазки, защищающей кожу в околоплодных водах. Тот малыш был недоношенный, крошечный, и неонатолог быстро забрала его у меня из рук. После медсестра взяла на купание, и больше я крошку не видела.

А тут Мари полгодика – не такая уж и масенькая. Можно даже посадить, но я боюсь. Боюсь ей навредить, как уже навредила своему ребенку.

Умом понимаю, что это разные вещи. Что это обычная процедура, но никак не могу начать.

Уже три раза воду одной рукой попробовала.

– Остынет. – Рания смотрит на меня, склонив голову набок. – Но ты права, ты должна научиться это делать. Малышка-то теперь твоя.

Моя?

Боль сжимает сердце.

Не моя. У нее есть папа – генерал драконов Тимрат Танр. И есть воровка-мама, которая подбросила дитя своему любовнику. И она может в любой момент появиться.

А я – никто. Прохожая, которая решила помочь. Попаданка в прямом смысле слова.

– Давай лучше ты. – Протягиваю Мари Рании.

Мне лучше не привязываться к малышке.

– Нет, дорогуша. Даже если это твой первый раз, сейчас ты потеряешь девственность в этом деле. Как ты будешь с двумя малышами оставаться, если я до ночи работать буду?

«Не буду их мыть?» – проносится в голове, но, конечно, я не говорю этого вслух.

– Ты точно лекарь? – Видно, что Рания специально меня дразнит.

Я грустно усмехаюсь:

– Точно. Просто мне страшно навредить ребенку. Я и учиться на врача... на лекаря пошла, чтобы спасти. Не думала, что с купанием у меня возникнут такие проблемы.

– Я подстрахую. Мари уже сидит?

– Я не сажала. Если ей до полугода, то для девочек это опасно.

– Тогда держи под шею и попку, а я буду страховать в воде. Я пеленку на столе расстелила, там можно снять одежду.

Снять одежду.

Я кладу Мари на мягкую ткань цвета застиранного хлопка, которая пахнет свежестью. Обожаю чистоплотных женщин, и в этом мне с Ранией повезло.

– Что? И с раздеванием проблемы? Ты же лекарь!

– Но я же не педиатр. Я знаю все про развитие ребенка в животике, а потом – в теории. Это детские врачи взвешивают ребенка, измеряют рост и, кажется, могут жонглировать сразу несколькими грудничками. – Я болтаю и начинаю снимать распашонку.

Сначала тяну завязки, потом высвобождаю одну ручку легко, а вот со второй немного зависаю. И все же чуть поднимаю распашонку вверх, туда, где головка, поворачиваю Мари на бочок. Приподнимаю ее голову, пропускаю ткань снизу, и вот уже спинка голая, а потом и малышка полностью свободна от верхней одежки.

Какая спинка! Я провожу пальцами по нежной коже, ощущаю у плеч нежный пушок волос, и вдруг из глаз капают слезы.

Я сама их не ожидала!

Одна падает на голую пяточку Мари, а вторая – ей на животик. Я тут же стираю следы своей затаенной боли.

– Мари, если генерал будет с тобой плохо обращаться, я тебя ему не отдам, – шепчу я и часто-часто моргаю.

Штанишки на завязочках получается снять легко. Проверяю состояние ребенка – подмышечные и локтевые впадины, паховую область – и удовлетворенно киваю. Никакой красноты, никаких высыпаний.

– Мари, не суди меня строго. Это мое первое купание. – Я беру ее на ручки сразу как надо – под голову и попу.

Несу к тазику, а там уже Рания заждалась. Я снова трогаю локтем воду, а потом медленно погружаю Мари.

– И-и-и, – довольно говорит малышка, поджимает ручки, сжимает кулачки.

Погружаю ее в воду так, чтобы грудь ребенка была едва над водой, и замираю.

– А как мыть, если две руки заняты? – смотрю на Ранию.

Она начинает бессовестно смеяться надо мной.

– Нет, ты не играешь! Ты это серьезно! – ржет она.

– Ладно тебе! У тебя материнский стаж один год, а у меня – один день. Что делать-то?

Рания кивает, стараясь сдержать смех, и поясняет:

– Тазик небольшой. Попка на дно упрется, ты головку держи, а второй рукой оmyвай.

Я пробую так медленно, что она снова надо мной смеется. Даже Берг, который ходит вокруг нее, смотрит на маму и начинает гоготать. Невозможно не подхватить этот заразительный смех, и скоро смеюсь и я.

Купание мы заканчиваем в прекрасном расположении духа. Я вытаскиваю Мари из воды, Рания стоит наготове и тут же накидывает на нее полотенчику. Я кладу малышку на столик, не тру полотенцем, а прижимаю его, чтобы оно просто впитывало влагу, а не натирало нежную кожу.

Рания натопила кухню, поэтому я распахиваю полотенчику и замираю. Смогу? А почему нет? Я даже уже ее искупала. Теория есть, наработаю практику.

Я начинаю осторожно и крайне нежно растирать пальчики и кисть Мари. Потом поглаживаю по всей длине руки.

– А ты что такое делаешь?

– Массаж. Видела, как Мари крепко прижимает к себе ручки и сжимает кулачки? Это повышенный тонус. Надо делать курс массажа.

– Курс?

– Несколько раз на постоянной основе. Очень полезно. После него детки сразу начинают хорошо двигаться. Я заметила, что Мари крупенькая для своего возраста и как-то мало вертится, даже с боку на бок. После нескольких дней массажа она станет более подвижной.

– А я и не знала. – Рания смотрит на Берта. – А если я ему так же пальчики начну массировать, что-то улучшится?

– Конечно. На пальчиках очень много важных точек. Он станет у тебя еще более ловким и умным. – Я подбираю более доступные для понимания в этом мире слова.

Я делаю Мари пока поглаживания – пусть привыкает и она, и я. Нам вдвоем это очень непривычно, но, кажется, обеим нравится.

Правда, ровно до того момента, как Мари вспоминает, что очень голодна.

– Я покормлю. – Рания берет ее на руки.

Я помню, что она обещала один раз. Помню, что у нее огненная лихорадка. Но мы обе понимаем, что ребенка нужно кормить, поэтому обе делаем вид, что болезни нет.

Но после того, как Берг уснул в своей кровати, а Мари – в большой корзинке, которую мы превратили в люльку, болезнь Рании снова дает о себе знать.

Глава 21

Рания скрючивается на кровати, сжав кулаки и стиснув зубы, чтобы не разбудить детей. Я сижу рядом, растирая ей руки и ноги, но ее страдания не утихают.

– Прости. Я подозревала, что ты снова будешь мучиться, но все равно попросила тебя покормить Мари.

– Кормление – мой хлеб. Сейчас как раз должна подойти Адольфа с сыном. Я всегда докармливаю его на ночь.

– И вот так мучаешься?

– Только два дня так.

– Но ты же понимаешь, что это не прекратится.

Рания от боли сжимает зубы и зарывается лицом в подушку.

– Нет, хватит. Это нужно прекращать. С этого момента ты больше не будешь никого кормить. Мари я найду другой вариант, деньги на змея заработаем. Берту овощи и фрукты я тоже найду.

Рания не отвечает, переживает спазм. И я прекрасно понимаю, насколько в женском организме тесно связаны грудь и женские органы. Ей нужно не купировать симптомы, а прекращать кормить – это ясно как белый день. Но сейчас, когда она так мучается, хочется ей помочь хоть чем-то.

– Рания, подскажи, на что похожа боль? Как во время месячных, спазмами? Или колет? Режет? Постоянная? Острая или тупая? – Я пытаюсь понять природу болезни и как она влияет на организм.

– Спазмом. Очень похоже на первые сокращения матки после родов.

Как я и думала.

– И происходит это после кормлений. Значит, организм женщины здесь через год после родов сам включает этот процесс. Верно?

– Да, мне еще повезло, что не сразу после года началось, а еще месяц в запасе был. – Рания отвечает, а потом снова сворачивается в позу эмбриона от боли.

– Держись, – шепчу я, чувствуя, как под пальцами ее тело горит. – Скажи, может, есть травы, которые облегчат твое состояние?

– Это того не стоит, – шепчет Рания.

– Значит, есть! Говори.

Рания снова переживает спазм, а потом устало шепчет:

– У главной кухарки Равилии есть свой аптекарский огород. У нее там растет зарник трехлистный. Его используют, когда болит живот в особые дни. У нее сильно болит обычно, вот она его и растит. Но никому не дает.

– А она что у нас, монополист на это растение?

– Что? – Рания не понимает смысла моих слов и хмурится.

– Ни у кого другого не достать?

– Это редкая трава, ей в наследство по роду передалась. Растет она долго, размножается плохо, поэтому Равилия ей очень дорожит.

Дорожит так, что все вокруг знают, что она у нее есть. Значит, все-таки как-то люди узнают. Либо продает по-тихому, либо на услуги обменивает. Иначе хранила бы свою травушку-муравушку за семью замками и помалкивала.

Я беру один золотой из ящика, куда Рания спрятала деньги.

– Я возьму с собой на всякий случай.

– Бесплезно все это. Тебе так точно никто ничего не даст.

Я пожимаю плечами:

– Измором возьму. Ты сможешь приглядеть за детьми или лучше взять Мари с собой?

– Пригляжу. – Рания смотрит на меня, и видно, что хочет улыбнуться, но ей очень больно. Дети спокойно спят в своих кроватках. Если повезет, то так и будет, когда я приду. Очень надеюсь, что вернусь я с этой лечебной травой.

Когда я уже у двери, слышу голос Рании:

– Ты что, прямо в сорочке и пойдешь?

– Точно!

Трогаю платье – оно еще мокрое. Сохнуть будет долго.

– Надень мое, – слышу Ранию.

Эх, придется. Это лучше, чем белым привидением пугать народ.

Я надеваю самое простое платье из трех – бежевое, жесткое на ощупь и потертое. В ткань под груди мне младенчика положить – поместится. Хотя я не бедная на формы, до кормящей Рании мне далеко.

А, пойдет! Все равно в ночи идти, а сорочка все неприличное прикрывает.

Да, выгляжу как пугало, но мне плевать. Лишь бы облегчить страдания Рании.

Я выхожу в полную темноту под звездное небо и вдыхаю воздух, полный запаха сена и цветущих трав. Иду в сторону поместья генерала по хорошо изъезженной повозками дороге.

И тут я слышу, что под ногами словно шуршит земля. Вспоминаю про змеиные туннели, про которые рассказывала Рания, и останавливаюсь.

Бр-р-р! Похоже, за мной правда следят змеи. Или это я в ночи такая впечатлительная?

На меня же никто из травы не набросится?

Я иду в три раза быстрее и вскоре дохожу до поместья генерала. Конечно же, ворота закрыты. А я что думала? Технику безопасности соблюдают и в этом мире!

Может, есть ход для слуг? Я обхожу поместье и действительно нахожу небольшую дверку. Еще не подходя к ней, я слышу, как щелкает замок.

Подхожу ближе и толкаю.

Кто это мне открыл дверь? Что за удача?

Глава 22

Тимрат

«Она вошла», – отчитывается Рат, мой змей-побратим.

Ненадолго же ее хватило. В первую же ночь побежала на разведку.

А она умна! Состряпала себе алиби ночевкой у кормилицы, даже платье замочила, а сама в ночи проскользнула в поместье.

Я ее недооценил.

А ведь чуть было не засомневался в ее личности!

Засмотрелся на прелести, заслушался ее голосом, очаровался руками, что стирали платье. А ведь я помнил ту высокородную даму на приеме, которая вела себя так, словно никогда не поднимала с пола упавшую вилку.

– Хитрая лисица, – шепчу я, спрятавшись за колонной и не сводя с нее глаз.

«Убить?»

Рат – воин, познавший много сражений, и скор на расправу.

«Нет, я должен поймать ее за руку, когда она будет красть чешую».

Тогда она мне за все ответит. За обман, за воровство, но главное – за смерть отца.

***

Лидия

Я тихонечко тяну ручку двери и заглядываю внутрь. Свет фонариков, которые качаются на ветру, придает внутреннему саду загадочности. Тени двигаются по брусчатке, ветер шуршит листвой.

Никого.

Крадучись пробираюсь по дорожкам мимо словно высеченных из зеленого камня кустов.

Здание кухни закрыто на замок, на ставнях блестят камни, и что-то мне подсказывает, что туда так легко не влезть голодному в ночи.

Зато кузница открыта настежь – заходи кто хочешь, бери что хочешь.

А где стража? Почему так подозрительно тихо? Я рассчитывала спросить у охраны, где мне найти Равилию, но тут полная тишина.

Странно. Днем, значит, стоят на стреме, а ночью спят? Или на пост заступают змеи?

В ближайшем кусте что-то шевелится, и я отпрыгиваю в сторону. Тишина.

Неужели показалось?

В кустах снова что-то шевелится, и я замираю, а потом тихонько отступаю к холодной стене кузницы.

Змеи? Или что похуже? Кто тут еще в этом мире есть?

И тут из куста выскакивает кот. Огромный, белый, с желтыми глазами, которые светятся в темноте. Он замирает, пристально смотрит на меня, будто оценивает, а потом резко разворачивается и убегает прочь.

– Фух, всего лишь кот. А вот мне нервы подлечить надо.

Я оглядываюсь по сторонам. Ищу домики слуг, которые обычно живут при хозяине, и вскоре нахожу продолговатое здание с закрытыми ставнями, через которые пробивается свет.

Стучу в дверь, и вскоре мне открывает щербатая. Окидывает меня удивленным взглядом с ног до головы и скептически кривится.

– Что забыла? – бросает она мне.

– Где я могу найти Равилию?

Слышу, как за щербатой начинают шушукаться девушки. Некоторые даже подходят и выглядывают из-за ее плеча.

– Что за чучело?

– Та самая?

– Гони ее прочь!

М-да, я знала, что теплого приема не будет, но это начинает порядком надоедать. Поэтому, пока эти курочки не раскудахтались, складываю руки на груди.

– Похоже, надо разбудить генерала, чтобы он помог мне найти Равилию, раз никто из вас не может. – Я говорю так громко, что щербатая вздрагивает и приставляет палец ко рту.

– Тише ты! Что так орать-то?

Она выходит ко мне, закрывает за собой дверь, оставляя девушек только подслушивать, а не смотреть воочию. Еще раз окидывает насмешливым взглядом с ног до головы и цокает языком.

– Не начинай. Я не ругаться пришла, но, если надо, могу такой скандал закатить – мало не покажется. – Я действую на опережение, и это работает – щербатая тут же из кисломордой превращается во вполне нормальную на лицо девушку.

– Генерал подарил Равилии домик на юге поместья. Только она уже спит. Завтра приходи.

– Разберусь. Спасибо. – Я тут же разворачиваюсь и двигаюсь прочь, когда мне в спину прилетает:

– Я бы на твоём месте не ходила так свободно по поместью. Рат сожрет тебя и не подавится.

Она плюет на землю и уходит в дом слуг, оставляя меня в недоумении.

Кто такой Рат? Собака? Еще кто похуже?

Глава 23

Я иду по тропинке, петляющей между деревьев, и чувствую, как по спине бегут мурашки. Ночь здесь темнее, чем в моем мире, а звезды – крупнее и словно ближе. Они будто подмигивают мне. Знают что-то, чего не знаю я.

Домик Равилии нахожу по аккуратному огороду перед домом. На грядках буйным цветом растет неизвестная мне зелень. Особо выделяются одни растения – с трехлопастными листьями, что переливаются в лунном свете серебром.

Их совсем немного – буквально два саженца. Зато вокруг них накручена колючая проволока – руку не просунуть.

Зарник трехлистный, вот ты какой. Спасительная трава для Рании.

Я подхожу ближе, но тут же замечаю движение у крыльца. Из темного угла показывает голову змея. Она не такая огромная, как у генерала, но и не похожа на тех змей, что кишели в амфитеатре.

– Ш-ш-ш. – Она шипит, предупреждая: «Не подходи».

– Тихо. – Я замираю. – Я к твоей хозяйке.

Не знаю, понимает она меня или нет, шипеть перестает, но глаз не сводит.

– Равилия! – тихонечко зову я, а когда никто не откликается, чуть повышаю голос: – Равилия!

А сама гипнотизирую змею взглядом, пока тишина окончательно меня не смущает.

Тогда я делаю шаг в сторону огорода, и змея тут же распрямляется, готовая к броску.

– Равилия! – зову громко.

И сразу слышу движение в доме. Сначала топот детских ног, потом шепот, словно маленькая банда переговаривается, а потом шиканье взрослого.

С протяжным скрипом открывается ставня.

– Кто там? – раздается хриплый голос, и на фоне зажженного света в доме появляется фигура главной кухарки.

– Простите, что беспокою так поздно, но это дело жизни и адской боли. Мы можем поговорить?

Равилия долго смотрит на меня, словно взвешивает про себя, стоит ли вообще со мной иметь дело. А потом вдруг закрывает ставни, бросив:

– Иди своей дорогой, девочка.

Я кошусь в сторону лечебной травы и тяжело вздыхаю. Знала, что не будет легко, но хотя бы поговорить со мной можно?

Все принимают меня за воровку и слушать не хотят.

– Равилия, я не ради себя прошу. Рания из ближайшей деревни мучается женской огненной лихорадкой, а у тебя есть то, что может ей помочь. И только у тебя.

Разговор в доме стихает, а потом возобновляется вновь. Змея все еще стоит в настороженной стойке, словно готовая наброситься на меня в любой момент.

Но мне нельзя уходить. Там Рания мучается.

Я снова кошусь на трилистник. Не зря его обнесли колючей проволокой и змею рядом посадили. Лично у меня все меньше и меньше терпения остается.

– Равилия, давай договоримся. Я готова к обмену. Могу по женскому здоровью подсказать – я док... лекарь. Женский лекарь, да.

Шепот в доме слышен даже через ставни. Кажется, над моим предложением насмеются. Ну да ладно, значит, в цель я не попала.

Я вспоминаю внешний вид Равилии – крупная, краснощекая, с большими формами. И тут в памяти зацепляюсь за одну вещь, которую отметила лишь краем глаза: здесь все под платье носят сорочки, но не бюстгалтеры или удобные бра.

А она стоит весь день у плиты, и ей явно очень жарко. Минус один слой одежды – счастье для женщины. А поддержание форм – приятный бонус.

– Равилия, я могу сделать одну вещь взамен зарника. Эту вещь надеваешь вместо сорочки, она прикрывает грудь, но в ней не так жарко. Могу показать. Выйдешь на разговор?

В доме наступает тишина, а потом я слышу шум у порога. Змея тут же уползает в темный угол крыльца, сворачивается там кольцами, опускает голову.

Дверь открывается. Равилия смотрит на меня показно скептически, но я-то вижу, как она заинтересована. Кажется, я попала в ее боль.

– Неугомонная ты. Ну, показывай! – Она спускается по ступеням ко мне.

– М-м-м, даже в дом не зайдём? Прямо здесь показывать?

Равилия упирает руки в боки:

– Я воровок и кого похуже в дом не пускаю.

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю. Что ж, проглочу, потому что мне нужен этот зарник. Я не виновата в ее зашоренности и преступлений не совершала, делаю все, чтобы спасти бедную женщину от страданий.

Раз надо здесь показать – покажу здесь. У меня как раз вырез платья болтается, сквозь сорочку белье видно. Захочет подробней рассмотреть – пусть в дом пускает.

Кивнув самой себе, я решительно тяну вниз и без того немаленький разрез платья. Где-то сзади на приличном отдалении что-то падает.

Глава 24

Тимрат

Я стою в тени кипариса, слившись с мраком, и наблюдаю. Слежу, как воровка крадется по двору поместья, как настоящая преступница.

Хотя почему «как»? Она и есть преступница!

Но что-то не так. Воровка не идет к главному дому, к окнам моего кабинета или арсеналу. Ее путь лежит к лачугам прислуги, а затем к домику главной кухарки.

Зачем? Равилия хранит травы, зелья... и сплетни. Но не мою чешую.

Я вижу, как Лидия говорит со щербатой прислугой. Вижу, как та плюет ей вслед. И странное чувство – не ярость, а нечто похожее на понимание – колет меня.

Ее здесь все ненавидят так же сильно, как ненавижу я. Но ее осанка, ее взгляд – в них нет страха преследуемой. Лишь чистое упрямство. То самое, что я видел днем, когда она держала ребенка. Или вечером, когда стирала платье.

Когда воровка идет к дому Равилии, мои кулаки сжимаются от догадки. Главная кухарка разбирается в травах, способных усыпить бдительность, ослабить волю, и много чего интересного способна сварить.

Может, Лидия ищет у нее ядовитую траву? Для меня? Для Рата?

«Убить?» – снова предлагает Рат.

Его кровожадность всегда была на поверхности. Его нетерпение жжет мою душу, как раскаленный уголь.

«Нет, – мысленно приказываю я. – Посмотрим, какое злодейство она хочет провернуть на этот раз».

Но внутри все клокочет. Я вижу, как она говорит с Равилией. Вижу, как та захлопывает ставню. Как воровка поглядывает на кусты и на змея-побратима мужа Равилии.

«Вот сейчас убить?» Рат рвется вперед, и я хватаю его за капюшон, притягиваю назад, как норовистого коня.

И тут Равилия выходит из дома, а воровка... Воровка тянет свой жалкий наряд вниз с груди.

Я разжимаю руку, которой держу капюшон Рата, и он мордой падает вниз, удивленный не меньше меня.

Я отскакиваю в тень, словно от удара. Не от вида обнаженного плеча, нет. Ведь я видел куда больше прелестей в своей жизни. А от того, что ниже.

Ткань. Легкая, черная, как ночь, и тонкая, как кружево. Подчеркивающая... Нет!

Я в ярости встряхиваю головой, прогоняя наваждение.

Вот это уловка! Часть ее виртуозного представления. Похоже, она догадалась, что я слежу, и всячески соблазняет меня.

Конечно! Один раз попался – попадусь второй. Так она думает. То предстает передо мной в неглиже, то свои округлости в чем-то жутко возмутительном показывает.

И кому? Равилии? А та-то что смотрит?

«Воровка говорила деревенской, что сегодня потеряла девственность», – раздается голос Рата в моей голове.

«Врет! Даже я у нее не был первым. Наутро на простыне не было ни одного пятна», – рычу я в ответ.

Бесстыжая!

Но Равилия покушается. Буквально взрывается восхищением, охает, ахает и срывает с растения из своего огорода несколько листков.

«Узнай, что за траву дала ей Равилия», – приказываю Рату, и змей тут же уползает в один из подземных ходов.

Знаю, что он быстро спросит у змея мужа кухарки и принесет сведения на блюдечке.

***

Лидия

Я решительно тяну вниз вырез платья, обнажаю плечо и край черного бюстгалтера. Лунный свет мягко ложится на кружевную ткань, такую непохожую на грубые холсты и кожи этого мира.

– Видишь? Это бюстгалтер, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не как оправдание. – Он поддерживает грудь. Особенно актуально для дам с пышным бюстом, чтобы тот не отвис до пупка. И под платьем его почти не видно, в отличие от сорочки. Жару от печи переносить в разы легче. Этот с жесткими косточками вот тут, а можно сделать совсем мягкий.

Равилия не произносит ни слова. Ее глаза, узкие щелочки на полном лице, пристально изучают детали моего белья. Я вижу, как в них мелькает не просто любопытство, а настоящий жгучий интерес.

Она много времени проводит у плиты, и идея хоть какого-то облегчения может казаться для нее спасением. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

– Это не жмет под мышками? – спрашивает она, и ее голос теряет уже привычную ворчливую нотку.

– Если правильно подобрать размер – нет. Я могу научить, как это определить. И даже... – делаю небольшую паузу для разжигания интереса, – показать, как такое сшить. У тебя же есть лен и иглы?

Я поднимаю вырез обратно, поправляю сорочку и платье. И тут в дверь высовываются три детские рожицы – два мальчика и одна девочка. Они с любопытством разглядывают меня, словно диковинную птицу.

– Это она! – шепчет один из мальчишек.

– С плаката! – кивает девочка.

И все три мордашки так дружно хмурятся, что я смеюсь.

– Я не с плаката.

Равилия оборачивается и рявкает на них:

– В дом! Сейчас по мягким местам надаю!

Дети с визгом скрываются в глубине жилища. Она же оборачивается ко мне, снова нахмурившись, но видно, что ее оборона дает трещину.

– И что, ты думаешь, я тебе за эту... штуку отдам зарник? – показно фыркает она, но уже без прежней злобы. – Он у меня последний, я его на случай обострения берегу. У меня после шести родов тоже не сахар там внизу.

Вот оно что. В ней говорит не только стремление к комфорту, но и собственная боль.

– Равилия, я прошу не для себя. Той женщине, Рании, очень плохо. Дай один листок, может два, чтобы снять спазм. А я сошью тебе такую же «штуку». Или две. Из лучшей ткани, какую найду. Тебе хорошо, и Рании хорошо.

Равилия тяжело переваривает мое предложение. Я так и вижу, как в ее голове крутятся мысли о выгоде, о собственном удобстве, о женской солидарности, которую, возможно, она давно похоронила под слоем лет и усталости.

– Ладно. – Равилия кивает. – Дам два листа. Когда сможешь сделать для меня эту штуку?

– Дай мне три дня, хорошо?

– Не обмани. – Равилия срывает три листа и дает мне.

Я смотрю на зарник, и словно с тяжесть с души снимают.

– Тут три листа.

Она молча смотрит на меня, а потом разворачивается и уходит.

– Спасибо! – кричу ей вслед, а потом закрываю рот рукой, понимая, как громко вышло. Получилось! Теперь к Рании.

– Ты хоть знаешь, что с ними делать? – раздается мне в спину.

Я оборачиваюсь и вижу замершую в дверях Равилию.

– Эм... Нет.

– Один лист на литр воды. Довести до кипения, дать остыть и пить маленькими глотками, пока не пройдет.

– Спасибо! – еще раз благодарю Равилию.

Дверь за ней закрывается, я разворачиваюсь на месте и бегом в деревню. Нахожу Ранию в позе эмбриона, все еще мучающуюся спазмами, а детей – спокойно спящими.

– Я раздобыла зарник! Скоро будет отвар, – шепчу я, чтобы не разбудить малышню.

– Не может быть. – Рания широко распахивает глаза.

– Может! – Я довольно потираю ладоши.

Иду на кухню, оглядываюсь в поисках плиты и вижу только печь.

Ох ты ж е-мое!

Глава 25

А ведь точно – до этого Рания готовила картофель в печи. Надо было подсмотреть, как она все делала, хотя бы одним глазком.

Поэтому мое первое знакомство с печью напоминает путешествие в каменный век. Не то чтобы я никогда не видела огня, но он всегда был заключен в газовую горелку родительского дома, а когда я стала жить отдельно, то и вовсе готовила на электрической плите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.